

Сетевой научный журнал

Научный результат

Research result

Том 1

№1 2015

Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal

Социология и управление

ISSN 2408-9338

9 772408 933006

Сайт журнала:
<http://belsu-research-result.ru/>

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СЕРИЯ
«СОЦИОЛОГИЯ и УПРАВЛЕНИЕ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2408-9346

Том 1. №1(3), 2015

Учредитель:

ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА СЕРИИ:

Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ:

Кисиленко А.В., старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ СЕРИИ:

Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Гордеева Н.О., кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Мережко А. А., преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета.

RESEARCH RESULT

SERIES
«SOCIOLOGY AND MANAGEMENT»

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications of
Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2013.
Frequency of publications: quarterly
ISSN 2408-9346

Volume 1. № 1(3), 2015

Founded by:

Belgorod State University

SENIOR EDITOR OF SERIES:

Shapovalova I. S., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY CHIEF EDITOR OF SERIES:

Lebedev S. D., Ph.D. in Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

CLERK OF SERIES:

Kisilenko A. V., Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR:

Lyashenko I.V., Ph.D. in Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD:

Gordeeva N. O., Ph.D. in Sociological Sciences, Associate Professor, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

Merezhko A. A., Assistance lecturer, the Department of foreign languages and professional communication, Institute of intercultural communication and international relationships, Belgorod State National Research University.

Tarabaeva V. B., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University.

Шмигирилова Л. Н., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора Института управления по международной деятельности Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдирайымова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра религиоведческих исследований Института философии и общественной теории Университета Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Буданов В. Г., кандидат физико-математических наук, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН, Россия.

Бубенко П. Т., доктор экономических наук, профессор, директор СВНЦ НАН и МОН Украины, член-корреспондент Академии экономических наук Украины, Украина.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, начальник отдела социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, Россия.

Карамышев Д. В., доктор наук государственного управления, профессор, заведующий кафедрой социальной и гуманитарной политики Харьковского регионального института державного управления Национальной академии государственного управления при президенте Украины, Украина.

Марек Х., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Польской Школы Государственного Управления, Польша.

Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории академии управления при президенте республики Беларусь, Беларусь.

Патрик Э. И., доктор технических наук, профессор, председатель правления международной Академии управления и технологий INTAMT, Германия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, Россия.

Shmigirilova L. N., Ph.D. in Sociological Sciences, Associate professor, Deputy director of international activity, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL TEAM:

Abdiraimova G. S., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Blagoevich M., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Center of theological researches, Institute for Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Serbia.

Bolotin I. S., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Budanov V. G., Candidate of Physico-mathematical Sciences, Doctor of philosophical sciences, Associate professor, Senior Research Scientist of Сектора Transdisciplinary problems of scientific and technical development, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Russia.

Bubenko P. T., Doctor of Economics, Professor, Director of North-West Scientific Center National Academy of Science and Ministry of Education and Science of Ukraine, Associate Member of Academy of Economic Sciences of Ukraine, Ukraine.

Zybok Y. A., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research RAS, Russia.

Karamishev D. V., Doctor of State management sciences, Professor, Head of the Department of social and humanitarian policy of Kharkiv Regional Institute of Public Administration of the National Academy of Public Administration attached to the Office of the President of Ukraine, Ukraine.

Marek X., Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Polish School of State Management, Poland.

Novikova I. V., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Belarus.

Patrik E. I., Doctor of Engineering Science, Professor, chief executive officer of International Academy of Management and Technology INTAMT, Germany.

Chuprov V. I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research RAS, Russia.

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ****Богачёв М.И.**

Причины «возрождения» православия
в России.....5

Лебедев С.Д.

Проправославный консенсус
в России начала XXI века как феномен
религиозной ситуации.....14

Нестерова А.Г.

Динамика религиозной ситуации в
Волгоградской области (2011-2014 гг.).....22

Рязанова С.В., Пермякова Н.С.

Этническое и конфессиональное
самосознание как факторы
идентификации русской молодежи
большого города (на примере г. Пермь).....28

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ****Креницына З.В.**

Диагностика проблем мотивации
работой персонала в организации.....42

Новикова И.В.

Бизнес-образование в обеспечении
условий для социально-экономического
развития: на примере республики
Беларусь 50

Хашаева С.В.

Состязательное пространство
студенческой молодежи.....57

Червинский А.С.

Философско-методологические
основы комплексной оценки
и управления качеством
окружающей среды.....62

Широканов Д.И.

Современная интеграционная
геополитическая динамика как объект
философского анализа.....67

**SOCIOLOGY OF CULTURE
AND SPIRITUAL LIFE****Bogachev M.I.**

The causes of «revival» of orthodoxy
in Russia.....5

Lebedev S.D.

The pro-orthodox consensus in Russia
in the early xxi century as a phenomenon
of religious situation.....14

Nesterova A.G.

Dynamics in the religious situation
in Volgograd region (2011-2014 years).....22

Ryazanova S.V., Permyakova N.S.

Ethnic and confessional consciousness
as factors of identification in the Russian
youth of the big city (on the example
of perm).....28

**SOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES****Krinitcyina Z.V.**

Diagnosing the problems associated
with staff motivation.....42

Novikova I.V.

Business education as the engine
of socio-economic change in former
soviet countries: the Belarusian case.....50

Hashaeva S.V.

Competitive space of students.....57

Chervinski A.S.

The philosophical and methodological
foundations of comprehensive assessment
and management of the environmental
quality.....62

Shirokanov D.I.

Modern integration geopolitical
dynamics as an object of philosophical
analysis..... 67

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

УДК 316.75

Богачёв М.И.

ПРИЧИНЫ «ВОЗРОЖДЕНИЯ» ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ

Богачёв Максим Игоревич, стажер-исследователь
Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
E-mail: mbogachev@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу причин увеличения в России числа лиц, идентифицирующих себя как православные верующие. Автор формулирует основные факторы «возрождения» православия в России. С точки зрения автора наиважнейшим фактором увеличения численности лиц, считающих себя православными, является поиск идентификационного конструкта.

Ключевые слова: идентификация; православие; верующие; РПЦ.

Bogachev M.A.

THE CAUSES OF «REVIVAL» OF ORTHODOXY IN RUSSIA

Bogachev Maksim Igorevich
Trainee-Researcher, Laboratory of Business Communications
Higher School of Economics National Research University
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia
E-mail: mbogachev@hse.ru

АБСТРАКТ

The article is devoted to the analysis of the causes of the increase in the number of people who identify themselves as the Orthodox believers. The author indicates the main factors of the Orthodoxy revival in Russia. From the point of view of the author, the most important factor of the increase in the number of persons considering themselves as Orthodox is the search of an identification construct.

Keywords: identification; Orthodoxy; believers; Russian Orthodox Church.

Результаты социологических опросов за период с 1989 по 2013 г. свидетельствуют о многократном росте количества россиян, идентифицирующих себя с православным вероисповеданием. Если в 1989 г. 21,9% граждан РСФСР относили себя к православию [1], то в 2013 г. уже 68% россиян считало себя православными [2].

Однако аффилиция людей с православным вероисповеданием плохо коррелирует с их воцерковлённостью – частотой похода в церковь, посещением религиозных обрядов, знанием основ вероучения и т.п. Так, количество россиян, которые посещают религиозные службы хотя бы чаще, чем раз в месяц, в разы меньше, нежели численность лиц, идентифицирующих себя как православные верующие [2]. «Определяющими для таких «новых» верующих зачастую оказываются не главные и даже не аутентичные смыслы православно-христианского универсума, а установки и представления, случайным образом ассоциированные с ним (околоцерковные суеверия, политико-идеологические концепты, символические элементы исторических традиций и др.)» [3, с. 138]. Так, значительная доля лиц, идентифицирующих себя как православные, верят в существование НЛО, придерживаются языческих традиций и не верят в религиозные чудеса [4]. «Это связано с тем, что «православие» является компонентой гражданской идентичности в большей степени, чем компонентой религиозной идентичности для россиян» [5]. Поэтому, на наш взгляд, в России можно констатировать скорее факт наличия православной квазирелигиозности, нежели увеличения числа православных. Таким образом, результаты нынешнего российского «религиозного возрождения» [6] «оказываются не только очень скромными, они оказываются «бесконечно малой», если не отрицательной величиной» [7].

Тем не менее, не стоит недооценивать возможностей, стоящих за этой квазирелигиозностью. 68% от ста сорока миллионной страны, обладающей ядерным вооружением, представляют собой мощную силу. Сам факт их отождествления с православным сообществом разительно преобразил позицию и запросы Русской Православной Церкви Мо-

сковского Патриархата (РПЦ МП), неожиданно ставшей если не обладательницей, то, по крайней мере, руководителем, пастырем данного сообщества и располагаемого им потенциала. Необходимо учитывать, что власть церкви как института автократична. Если современные руководящие органы российского государства хотя бы формально зависят от граждан (электората) и поэтому выступают от их имени, то церковная власть, декламируя свои действия как угодные народу, ни *de jure*, ни *de facto* от населения не зависит. Таким образом, если патриарх говорит, что православные должны голосовать за В.В. Путина или что их чувства оскорблены акцией «Pussy riot», то он выступает от лица всех лиц, идентифицирующих себя как православные соответствующей юрисдикции. Но «верующие» не могут контролировать действия и слова патриарха. Им неподвластно заменить или свергнуть его. Иными словами, церковь как институт использует огромный символический и представительный капиталы, при этом являясь в достаточной мере закрытым сообществом, неподконтрольным демократическим институтам.

Существенное изменение в самоидентификации большинства россиян, рождённых и воспитанных в светском государстве, вызывает массу вопросов. В частности: почему россияне стали причислять себя к православному вероисповеданию? Предположительно данный феномен каузально связан с такими факторами, как:

- потеря нравственного стержня в результате крушения коммунистической идеологии, сенсорная депривация населения;
- потеря ценностных ориентиров при сломе жизненных устоев в девяностые годы XX века, социальная аномия;
- поиск новой коллективной принадлежности взамен утраченной (желание обрести единомышленников, идентификационный элемент);
- уход духовных ценностей на второй план в связи с тяжёлым экономическим положением, и «возврат к богу» после улучшения экономической ситуации;
- замаливание грехов, совершённых во время тяжёлого экономического положения;
- мода;

– сохранение за Церковью статуса «защитника и радетеля за народ», при потере доверия общественности к государственным и общественным институтам;

– отсутствие национальной идеи, аллюзии клириков к истории и традициям России, использование церковными институтами распространенного среди россиян консервативно-авторитарного идеологического архетипа.

Для полноценного понимания возможных причин увеличения населения, аффилирующего себя с греко-православным вероучением, необходимо обратиться к недавнему российскому прошлому. Распад Советского Союза ознаменовал собой слом глобального масштаба культурно-идеологической системы, успевшей воспитать поколения особо мыслящих советских граждан. Сворачивание работы привычной пропагандистской машины, дезавуирование всеохватывающей ценностно-ориентирующей идеологической концепции и резкое наступление принципиально иного и враждебного для советского человека капитализма в его крайних и нелюбимых формах повергли взращенное в идеалистических представлениях население в состояние тяжёлой социальной аномии [8]. Иными словами, советское государство кануло в лету, но остался советский человек, абсолютно не готовый к жизни по новым правилам («без правил») в новой России. Появилась новая страна, но не новая нация. Осознание ненормальности и бесчеловечности происходящего в период становления «новой России», на наш взгляд, подтолкнуло первую осязаемую волну «ищущих» в религиозные учреждения, выдающие общечеловеческие нормы общежития за исключительно христианские заповеди.

После экономического коллапса, вызванного перестроением советской системы, с наступлением «сытого» путинского времени, обусловленного высокими ценами на нефть, у большинства людей отпала острая потребность в поиске пропитания, ввиду чего вышли на первый план иные нужды – в частности, необходимость обоснования своего положения в мире. У людей акцентировалась нужда в смыслополагании, национальной идее. «Россия и русский народ в их совре-

менном состоянии являют собой разительный пример бессмысленного и бесцельного бытия, т. к. ни на государственном уровне, ни на уровне общественного сознания не просматривается даже контуров тех формулировок, которые ставили бы перед страной общенациональные задачи, предлагая программы их решения, одновременно объясняя цель и смысл единой государственнической жизни» [9].

Власть предрекавшие отказались от создания национальной идеи, официальной идеологии, однако спрос на неё в массах остался. Потребность в смыслополагании, актуализировавшаяся у граждан Российской Федерации, во многом обусловлена потерей базового идентификационного конструкта. Люди не понимают, кто они такие, каково их место в мире, однако хотят постичь это. Они больше не советские граждане; хотя многие ещё гордятся тем, что «сделаны в СССР» и считают себя гражданами Советского Союза, происходит постепенное замещение социального материала. И вот новые поколения, пусть даже и рождённые в СССР, однако, ввиду малолетства, не сохранившие никаких воспоминаний об этом государстве, также задаются аналогичными вопросами. Кто они? То ли «русские», то ли «россияне»? Потеря общего идентификационного элемента, осознаваемая в трудном процессе национальной рефлексии, привела к тяжёлому духовному кризису и «попытке заместить утраченные идентичности новыми» [10, с. 174]. Самостоятельные поиски некоторых выбивающихся за рамки повседневного мышления активистов, выбравших в своих духовных исканиях привычную для российского государства кратчайшую дорожку, привели к тому, что «русскость» стала восприниматься как атрибут национализма. Однако это не прибавило понимания термина «россиянин».

Дезавуирование Советского Союза уничтожило общий для всех граждан бывшей империи идентификатор. Ситуация, вызванная потерей этого важного для людей мировоззренческого элемента, была значительно усугублена наступлением эпохи «дикого» капитализма, что в итоге вылилось в поражающую своей масштабностью атомизацию

населения. Эти процессы эксплицитно отобразились на большинстве уроженцев советской страны, не имеющих чётких кровнородственных, этнических и конфессиональных привязок к каким-либо группам – так называемых «русских». Российский народ атомизирован, не един, недоверчив, скрытен – и в этом, как это ни парадоксально, он един. Отсутствие идентификаторов, которые могли бы придти на замену ранее принятому национальному – «советский гражданин», привели «советских» людей в смятение и вынудили к поспешному поиску своей принадлежности, идентичности, как правило, выбираемой ими по языку общения. В действительности, например, кем себя считать ребёнку атеистов украинца и коми (говорящих только на русском языке), родившемуся в 1989 г. на Урале? – Только русским! Такие ситуации в современной России повсеместны, а зачастую весьма комичны: «Ты кто по этничности? – Я русский. А папа кто? – Татарин. А мама? – Башкирка». При этом отождествление себя с группой, именуемой как «русские», не имеет под собой чётких идентификационных элементов (европейская внешность, знание русского языка и азов русской литературы оными не являются). Что порождает массовое желание обрести ярко выраженные черты принадлежности к общности, иметь культурные компоненты, связывающие атомизированного индивида с группой, подобные идентификационным символам кавказских тейпов или тухумов.

Важным элементом культурного единения народа является его общая история, единой точки зрения на которую современная российская власть также не предложила. Одностороннее преподнесение Великой Отечественной войны в качестве скрепляющего массы элемента при огромном количестве инохарактерной информации, имеющейся в открытом доступе, зачастую в большей степени дискредитирует подвиг советского народа в глазах людей и оставляет больше вопросов, нежели ответов о роли СССР во Второй Мировой войне и XX столетии. «Истощение символических ресурсов прогрессирует, ценностный голод глохнет больно; поэтому Победа как последняя ценность эксплуатиру-

ется все более отчаянно и притом всё более прагматично, как готовый ответ на любые вопросы и сомнения» [11, с. 127]. При этом не существует чёткой государственной позиции по поводу: роли советских лидеров и проводимой ими политики, массовых репрессий, Гражданской войны и других более отдалённых от современности событий отечественной истории. Данный факт также порождает в головах обывателей смуту и усиливает поиски идентификационного конструкта.

Необходимо признать, что в определённый момент духовные поиски масс, надеющихся обрести «себя», были использованы окол властными структурами. Более того, власть предрешающие продолжают играть на народных желаниях. Различные лозунги типа: «Россия для русских», «Мы за русских, мы за бедных», «За свободную и русскую Россию» и т.п., укладываемые, в националистическую риторику использовались и используются легальными, «кормящимися с государственных рук» партиями. Что и говорить о многочисленных полулегальных и нелегальных партиях и группировках, возникших в России на заре нового тысячелетия [12]. Спонтанно возникнув на волне «русских» недовольств сложившейся в стране ситуацией с крайне неравномерным экономическим распределением благ, неконтролируемой миграцией и т.п. процессами, националистические движения были заботливо «прикормлены» властью предрешающими. Однако стремительно набирающее обороты «наци» (оно же «патриот») движение, курируемое сотрудниками спецслужб, заставило власть предрешающих быть сдержаннее в игре с националистическими идеями. Весомым аргументом стали события, произошедшие в 2010 году на Манежной площади, когда организаторы «переборщили», и рулевые государства устрашились собственного детища. Тем не менее, полномасштабного сворачивания этого направления не произошло. Власть оставила данную карту не разыгранной, тем не менее, сохранив её «в колоде».

Сворачивание националистического варианта идеологии сыграло значительную роль в перенаправлении духовных поисков «русского» населения в иное русло. Несмотря на из-

вестную популярность сторонников правых идей, весомая часть населения с подозрением относилась к разнородным националистам, начинавшим с копирования зарубежных образцов и сильно дискредитировавших себя уже первым опытом. Так, идея об «арийской чистоте русской крови», сначала эксплуатировавшаяся некоторыми наци-движениями, оттолкнула многих воспитанных на интернационал-социалистическом и антифашистском агитматериале людей, как и тех, кто с точки зрения националистов, являлся «нечистокровным русским». Посему народные поиски обратились к иным духовным формам – в частности, к религии. Народ в своём желании обрести идентификационный конструкт среди руин российской действительности набрал на повсеместно действующие на легальном основании традиционные культовые институции.

В круговерти, образовавшейся после «перестройки», церковь себя мало проявила – оттого отношение к ней у россиян на протяжении всего «смутного времени» девяностых и начала двухтысячных годов оставалось стабильно лояльным, в отличие от отношения к властным институтам¹ [13, 14, 15, 16]. Позитивное массовое отношение к РПЦ во многом обусловлено тем, что «реально в какие-либо контакты с церковью вступало крохотное меньшинство» [7]. Помимо этого, православный идейный дискурс, включающий в себя остатки идеологических конструктов, издревле закладывавшихся российской, а потом и советской властью, вполне удовлетворял духовные притязания россиян. Имперские и великодержавные интенции в массовом сознании многих поколений жителей нашей страны, выражающиеся в желании народа быть сильным и внушать страх и угрозу другим странам, в стремлении к вызыванию зависти со стороны соседей, в вожделении быть мировым полюсом и «мессией», всем доказывающим свою неповторимость и правоту, – и по сей день пленяют умы многих граждан России. Риторика мыслящих по-

добным образом людей была запечатлена и у отечественных классиков, в частности, у М. Горького: «Мы – искони Русь, наша вера истинная, восточная, корневая русская вера, а это всё – Запад, искаженное вольнодумство! От немцев, от французов – какое добро? Вон они в двенадцатом-то году...» [17]. Следует упомянуть в качестве традиционных элементов российского политического сознания и консерватизм, граничащий с традиционализмом [18], противопоставление России «Западу» как цивилизационному оппоненту, а также идею «осаждённой крепости» и внезапно активизирующуюся гомофобию. Подобные установки и ценностные приоритеты, к сожалению, свойственны всем слоям российского общества [19], что эксплицитно усматривается в лозунгах из предвыборных роликов главной отечественной catch-all party «Единой России»: «Мы не отдадим», «Хочется, чтоб нам завидовали», «Сильной стране нужна сильная армия». Данный факт, на наш взгляд, крайне прискорбен, ибо «отсутствие ценностного плюрализма сковывает развитие общества и замедляет модернизационные процессы» [20, с. 301].

Русская Православная Церковь, тяготеющая к мессианству и притязующая на роль главного православного центра и всесильного адепта «единственного истинного» (ортодоксального) вероучения, со своей отсылающей к лучшим традициям и моментам истории России риторикой, явила для ищущих «себя» россиян долгожданную «землю обетованную». Грамотная игра церковных пиарщиков на отсылке к образу великой и сильной России прошлого в совокупности с использованием элементов традиционного для россиян великодержавнического консервативно-авторитарного идеологического конструкта обещала принести богатые плоды. Первыми это почувствовали всё те же националисты, по-своему понявшие устоявшееся обозначение «Русская православная церковь». Некоторые из них впоследствии даже выбрали себе лозунг, официально признанный разжигающим религиозную рознь – «православие или смерть». Вслед за ними этот идейный ресурс стала использовать РПЦ МП, издревле известная своими прогосударственными настроениями.

¹ Уровень доверия к религиозным организациям стабилен на протяжении длительного периода, в то время как уровень доверия к политическим партиям, милиции, президенту, парламенту и др. государственным институтам падает.

По целому ряду причин РПЦ МП оказалась в очень выгодном положении: как организация, она не была запятнана в девяностые годы, она была легальна и лояльно настроена по отношению к власти, в её названии использовался этноним «русская». Также церковь неофициально курировала сферу нравственности [21, с. 114-116], важность которой была акцентирована в период высоких цен на нефть, пропагандировала великодержавные идеи о привилегированном положении титульной нации и нациеобразующего народа. А главное, РПЦ использовала значительный символический и исторический капиталы, приписывая все достояния некогда существовавших на территории современной России государств собственному благотворному влиянию и преподнося себя как традиционную для населения России в целом, а «русских» в частности, религию, активно при этом апеллируя к христианской традиции крещения, соблюдаемой многими россиянами.

Исторически религия, наряду с этничностью, является наиболее сильным идентификационным элементом. Поэтому неудивительно, что люди с неудовлетворённой потребностью в идентификации устремились в лоно церкви. Также религия выступает в качестве высокоэффективного для властей в полиэтничном государстве рычага управления массами. Это достаточно быстро было понято в высших властных эшелонах и обращено во благо правящего режима для «борьбы с теми массовыми инстинктами, которые могут взорвать изнутри рационально сконструированные проекты» [22, с. 13]. Отметим и возможность использования религии как инструмента единения и коммуникации разных слоёв крайне расколотого в экономическом плане российского общества.

Итак, люди в поисках идентификационного конструкта «обратились» к православным институциям и символам. «При этом синтезирование политической идеи национально-государственного строительства происходило на основе религиозного сознания и ценностей» [23, с. 100]. Однако индивидуально-духовное обращение многих «новых православных» с религиозной точки зрения есть не что иное, как фарс. Православность для подавляющего большинства «православ-

ных» россиян является отображением их гражданской идентичности, «цивилизационного кода» [24], культурной, а не религиозной принадлежности [25, с. 106]. Поэтому самоидентификацию большинства россиян с православным вероучением, на наш взгляд, лучше называть квазирелигиозностью, истинными причинами которой являются поиски идентичности россиянами, пребывающими в состоянии морально-нравственного и идеологического опустошения после распада СССР. Примечательно, что факт неискренности и «выставочной» религиозности россиян признаётся ими самими. Так 79,8 % респондентов соглашались с тем, что многие люди хотят показать свою причастность к вере и церкви, но мало кто из них верит по-настоящему [26].

Резюмируя вышеизложенное, отметим узловые точки нашей работы. В течение двух последних десятилетий социологические опросы фиксируют рост числа лиц, идентифицирующих себя как православные верующие. Однако факт самоотождествления с религиозной группой, как правило, не сопрягается с исполнением религиозных практик, предписываемых вероучением, и стремлением к постижению трансцендентного. Одним из обоснований данного феномена может являться предположение о том, что православие для большинства «православных» россиян в большей степени является элементом гражданской идентичности, нежели компонентом идентичности религиозной. Конфессиональный идентификатор скорее используется номинальными верующими как средство, разделяющее мир на «своих» и «чужих», а не как поиск дороги к Богу. С точки зрения автора, причина использования религиозного маркера в нерелигиозных целях может заключаться в стремлении восполнить идентификационный вакуум, образовавшийся после распада СССР. Попытки использования этнической принадлежности в качестве основы для нового идентификатора не увенчались успехом, ввиду чего идеологический фокус сместился на культурно-религиозную сферу, в частности на православное вероучение. РПЦ восприняла идентификационные искания россиян как возможность для усиления собственного влияния и активно способ-

ствовала укоренению представлений о православии как об «основе русского государства» и культуры. Вместе с тем, высокая степень секуляризованности российского общества не позволяет РПЦ перейти от информационной работы по околорелигиозным темам (таким как: «роль и место православия в российском государстве / духовно-нравственных традициях России» и т.п.) к непосредственному проповедованию Слова Божьего. В свою очередь, факт низких показателей знания основ православного вероучения и соблюдения религиозных практик среди большинства православных «верующих» является одним из следствий недостатка собственно религиозного просвещения в российском обществе.

Однако обретение идентификационного конструкта не завершило дрейф массового сознания россиян. Более того, оно обнажило

не менее острую проблему нациестроительства. В упрощённом виде процесс нациестроительства заключается в ответе на несколько вопросов массового сознания: «Кто мы?»; «Что нам надо делать?»; «Зачем нам это надо делать?». Функцию ответчика на первый вопрос выполняет пресловутый религиозный идентификатор, на момент 2013 г. уже выбранный 68% россиян. А вот объяснение того, что и зачем необходимо делать, находится в компетенции национальной идеи, которая, судя по событиям 2014-2015 гг., выражается в проведении политики ирредентизма и придания России статуса «сверхдержавы». Так что с наступлением массового православного отождествления наиважнейший для страны процесс нациестроительства не был завершён, если он, конечно, с этого начинался [27, с. 273-274].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Исследование ОМНИБУС 1989-10. URL: http://sophist.hse.ru/db/xml_view.shtml?en=0&HQ=17357&SQ=2114&HSQ=106 (дата обращения: 22.04.2014)
2. Общественное мнение – 2013. М.: Левада_Центр, 2014. URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2013> (дата обращения: 30.04.2014)
3. Лебедев С.Д. Рефлексивный потенциал православной культуры в России, 1990-2000-е гг.: к социологическому анализу проблемы // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 129-142. URL: <http://modernity-centre.org/2012/11/26/lebedev-102/> (дата обращения: 04.09.2014)
4. Исследование Курьер-2003-19. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?en=0&ID_S=1521 (дата обращения: 22.04.2014)
5. Снеговая М.В. Социальноэкономические и политические предпочтения различных религиозных групп: православные христиане и католики на Украине // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 3 кн. Кн. 3 / отв. ред. Е.Г. Ясин; Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 140-152. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/08/08/1268229375/conf3.pdf> (дата обращения: 22.04.2014)
6. Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс как социальная реальность: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24-36. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/33511522/> (дата обращения: 04.09.2014)
7. Фурман Д.Е., Каарияйнен К. Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. СПб.; М.: Летний сад, 2000. 248 с. URL: <http://www.verigi.ru/?book=211> (дата обращения: 22.04.2014)
8. Медведев С.А., Томашев И.А. Политическая аномия в современной России // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 2. / отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 274-282.
9. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М.: Научный эксперт, 2009. 424 с. URL: <http://>

www.rusrand.ru/text/Nov_technologii.pdf
 (дата обращения: 04.09.2014)

10. Тихонова И. Постимперский синдром или поиск национальной идентичности? // После империи / под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 156-176.

11. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012.

12. Верховский А., Пайн Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия; под ред. Э.А. Пайна, Институт Кеннана. М.: Три квадрата, 2010. С. 171-210.

13. Исследование Омнимбус ВЦИОМ 1995-4. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1869&T=q (дата обращения: 04.09.2014)

14. Исследование Мониторинг ИКСИ 2000-III. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1589&T=q (дата обращения: 04.09.2014)

15. Исследование Омнимбус РОМИР 2001-9. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1601/Q=5/> (дата обращения: 04.09.2014)

16. Исследование Курьер 2002-9. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1697&T=q (дата обращения: 04.09.2014)

17. Горький М. В людях. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/v-lyudyah/v-lyudyah.htm> (дата обращения: 04.09.2014)

18. Деметрадзе М.Р. Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/50307233/> (дата обращения: 04.09.2014)

19. Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ России и её будущего: политическая элита vs

представители социального дна // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 2 / отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 323-333.

20. Миголь Е.В., Хавенсон Т.Е. Изучение распределения политических ценностей в России, Франции, Германии и США // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 2 / отв. ред. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 293-302.

21. Лебедев С.Д. Духовное versus культурное? К пониманию религиозного возрождения в России // Россия и современный мир. 2004. № 3 (44). С. 110-119.

22. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 5-23.

23. Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: ИФ РАН, 2011.

24. Атака на церковь. URL: <http://vesti7.ru/news?id=36844> (дата обращения: 04.09.2014)

25. Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах ее изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104-115.

26. Исследование Курьер 1997-6. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1992/Q=54/> (дата обращения: 04.09.2014)

27. Крупкин П.Л. Россия и современность: проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта, 2010. 568 с.

REFERENCES:

1. Research OMNIBUS 1989-10. URL: http://sophist.hse.ru/db/xml_view.shtml?en=o&HQ=17357&SQ=2114&HSQ=106 (date of access: April 22, 2014)

2. Public opinion – 2013. М.: Levada Center, 2014. URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2013> (date of access: April 30, 2014)

3. Lebedev S.D. Reflective potential of Orthodox Culture in Russia, 1990-2000: to the sociological analysis of the problem // Journal of Sociology. 2012. № 3. Pp. 129-142. URL: <http://modernity-centre.org/2012/11/26/lebedev-102/> (date of access: April 22, 2014)

4. Research Kur'er-2003-19. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?en=o&ID_S=1521 (date of access: April 22, 2014)

5. Snegovaya M.V. Socioeconomic and Political Preferences of Various Religious Groups: Orthodox Christians and Catholics in Ukraine // the XI International scientific conference on problems of development of economy and society: v 3 kn. Kn.3 / otv. red. E.G. Jasin; Vysshaja shkola jekonomiki. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2011. Pp. 140-152. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/08/08/1268229375/conf3.pdf> (date of access: April 22, 2014)
6. Lebedev S.D. Religious Renaissance as a social reality: a demythologizing of the concept // Journal of Sociology. 2007. № 2. Pp. 24-36. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/33511522> (date of access: April 22, 2014)
7. Furman D.E., Kaariainen K. Old Churches, New Believers: Religion in Mass Consciousness of Post-Soviet Russia. SPb.; M.: Letnij sad, 2000. 248 s. URL: <http://www.verigi.ru/?-book=211> (date of access: April 22, 2014)
8. Medvedev S.A., Tomashev I.A. Political Anomy in Modern Russia // the XII International scientific conference on the problems of development of economy and society: v 4 kn. Kn. 2 / otv. red. E.G. Jasin; Nac. issled. Un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. Pp. 274-282.
9. Jakunin V.I., Bagdasaryan V.Je., Sulakshin S.S. New Technologies of Fight against the Russian Statehood. Monograph. M.: Nauchny Ekspert, 2009. 424 p. URL: http://www.rusrand.ru/text/Nov_tehnologii.pdf (date of access: September 4, 2014)
10. Tikhonova I. Post-imperial Syndrome or Search for National Identity? // After the Empire / pod obshh. red. A.M. Kljamkina. M.: Fond «Liberal'naya missija», 2007. Pp. 156-176.
11. Kaspje S.I. Political Theology and Nation-building: General Provisions, Russian Case. M.: ROSSPJeN, 2012.
12. Verhovskiy A., Pajn E. Civilization Nationalism: the Russian Version of "a Special Way" // Ideology of "a Special way" in Russia and Germany: Sources, Contents, Consequences; On edition Je.A. Paina, Institut Kennana. M.: Tri kvadrata, 2010. Pp. 171-210.
13. Research Omnibus VCIOM 1995-4. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1869&T=q (date of access: September 4, 2014)
14. Research Monitoring IKSI 2000-III. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1589&T=q (date of access: September 4, 2014)
15. Research Omnibus ROMIR 2001-9. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1601/Q=5/> (date of access: September 4, 2014)
16. Research Kur'er 2002-9. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1697&T=q (date of access: September 4, 2014)
17. Gor'kij M. In people. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/v-lyudyah/v-lyudyah.htm> (date of access: September 4, 2014)
18. Demetradze M.R. Core of Traditional Values as Phenomenon of Post-Soviet societies. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/50307233/> (date of access: September 4, 2014)
19. Kasamara V.A., Sorokina A.A. The Image of Russia and its Future: Political Elite vs Representatives of a Social Underworld // XII International scientific conference on problems of development of economy and society: v 4 kn. Kn. 2 / otv. red. E.G. Jasin; Nac. issled. Un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. Pp. 323-333.
20. Migol' E.V., Havenson T.E. Studying the Distribution of Political Values in Russia, France, Germany and the USA // the XII International scientific conference on problems of development of economy and society: v 4 kn. Kn. 2 / otv. red. E.G. Jasin; Nac. issled. Un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. Pp. 293-302.
21. Lebedev S.D. Spiritual versus cultural? By understanding the religious revival in Russia // Russia and the Modern World. 2004. № 3 (44). Pp. 110-119.
22. Solov'ev A.I. Political Ideology: the Logic of Historical Evolution // Polis. 2001. № 2. Pp. 5-23.
23. Kara-Murza A.A., Zhukova O.A. Freedom and Creed. Christian liberalism in the Russian political culture. M.: IF RAN, 2011.
24. Attack on Church. URL: <http://vesti7.ru/news?id=36844> (date of access: September 4, 2014)
25. Sinelina J.J. On the dynamics of religious Russians and some methodological problems of its study (religious consciousness and behavior of Christians and Muslims) // Sociological studies. 2013. № 10. Pp. 104-115.
26. Research Kur'er 1997-6. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1992/Q=54/> (date of access: September 4, 2014)
27. Krupkin P.L. Russia and Modernity: Problems of Compatibility: Essay of Rationalization. M.: Flinta, 2010. 568 p.

УДК 316.74

*Лебедев С.И.***ПРОПРАВОСЛАВНЫЙ КОНСЕНСУС
В РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА КАК
ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ**

Лебедев Сергей Дмитриевич, кандидат социологических наук, профессор
Институт управления Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия; E-mail: *serg_ka2001-dar@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой попытку системного описания уникального феномена религиозной ситуации в постсоветской России, получившего название «проправославный консенсус». Данное явление существует как на институциональном уровне, так и на уровне общественного сознания. К его основным проявлениям в сознании общества правомерно отнести три взаимосвязанные устойчивые тенденции: доверие в обществе к церкви в лице РПЦ МП; преобладание позитивного имиджа православия и церкви; преобладание позитивных социальных ожиданий от религии и церкви и их взаимодействия с обществом. Предварительный анализ причин устойчивости проправославного консенсуса в российском социуме начала XXI века указывает в качестве таковых на сочетание возросшей потребности в религии вследствие затянувшегося социального кризиса («катастрофического постмодерна»), значительного символического капитала православного христианства как национального (этнического) достояния и существования в массах особого рода «доверия» к церковным институтам, основанное на внутреннем дистанцировании людей от них.

Ключевые слова: постсоветская Россия; проправославный консенсус; религиозная ситуация; социальное настроение.

*Lebedev S.D.***THE PRO-ORTHODOX CONSENSUS
IN RUSSIA IN THE EARLY XXI CENTURY
AS A PHENOMENON OF RELIGIOUS
SITUATION**

Lebedev Sergey Dmitrievich, PhD in Sociology, Professor
The Institute of Management Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; E-mail: *serg_ka2001-dar@mail.ru*

АБСТРАКТ

The article is an attempt to describe in system a unique phenomenon of the religious situation in post-Soviet Russia called a “pro-Orthodox consensus.” This phenomenon exists both at the institutional level and at the level of social consciousness. Its main manifestations in the consciousness of society include three interrelated stable trends: the trust in the community to the church in the face of the Russian Orthodox Church; the prevalence of a positive image of Christianity and the church; the predominance of positive social expectations from religion and the church and their interaction with society. The preliminary analysis of the reasons for stability of the pro-Orthodox consensus in the Russian society of the early XXI century indicates a combination of increased demand for religion as a result of protracted social crisis («catastrophic postmodern»), a significant symbolic capital of Orthodox Christianity as the national (ethnic) heritage and the existence in the masses of a special kind of «confidence» in church institutions, based on the people’s internal distancing from them.

Keywords: post-Soviet Russia; pro-Orthodox consensus; religious situation; social mood.

Впервые термин «проправославный консенсус» был введён в научный контекст известным социологом и философом Д.Е. Фурманом. Д.Е. Фурман и его соавтор К. Каарияйнен ещё в начале 2000-х гг. обратили внимание на характерное для массового российского сознания «всеобщее убеждение в том, что православие – высшая ценность, что оно неотделимо от русского самосознания и русской культуры, что РПЦ надо доверять и надо оберегать ее, ограничивая деятельность других религий...» [12, с. 47]. При этом авторами обосновывалось и подчёркивалось отсутствие непосредственной связи между отмечаемым умонастроением и собственно религиозными убеждениями и верованиями граждан: репрезентация в общественном сознании индикаторов «консенсуса» значительно превышала распространённость в нем основных индикаторов собственно религиозного сознания и поведения. Так, исследования свидетельствовали, что проправославные проявления общественного сознания распространяются на значительную часть неверующих и даже часть атеистов. Из числа последних, согласно данным исследований упомянутых авторов на 2007 год, 9% «очень хорошо» и 61% «хорошо» относятся к православию, 21% – доверяют РПЦ, 36% согласны с необходимостью ее привилегий, 47% считают, что каждый русский – православный в душе [3, с. 81]. Специалисты Института социологии РАН в 2009 г. также отмечали, что не доверяют церкви только 45% российских атеистов, 13% признают церковный авторитет и склонны ей доверять, 42% затрудняются с оценкой, «что говорит о неоднозначности их отношения к церкви» [13, с. 147].

Указанное обстоятельство, а также то, что феномен описанного консенсуса сохранил свою актуальность и к середине второго десятилетия XXI века, даже несмотря на череду громких медийных скандалов вокруг основного представителя российского православия – РПЦ МП [10, с. 18; 13, с. 68], делает его заслуживающим специального анализа. Подход к такому анализу с социологической точки зрения представлен ниже.

Проправославный консенсус представляется методологически корректным рассма-

тривать как специфический феномен религиозной ситуации. В отечественной социолого-религиоведческой литературе основное содержание последней определяется как состояние религиозности общества или его части, которое «рассматривается в двух аспектах или на двух уровнях: массового сознания и институциональном. В первом случае это характеристики религиозности населения, во втором – деятельности религиозных организаций» [7, с. 198].

Институциональная составляющая проправославного консенсуса базируется на согласовании интересов двух базовых социальных институтов: государства и церкви (в лице РПЦ МП). Их консолидация, наметившаяся ещё в последние годы существования Советского Союза, представляется политически закономерной. Государство, испытавшее после распада Советского Союза и дезавуирования коммунистической идеологии глубокий кризис легитимности, сегодня определенно заинтересовано в православной церкви как значимом источнике своей легитимации. Надежность данного источника (церковь – единственный институт общенационального масштаба, сохранивший историческую преемственность с древних времен), его высокий социальный и культурный авторитет, в сочетании с отсутствием сопоставимых по масштабу и символическому капиталу религиозных и светских конкурентов, в условиях подъема прорелигиозных и процерковных умонастроений привели к политике поддержки государством церковных структур на уровне центральной власти и регионов. В свою очередь, церковь, не обладая в обществе значительным властным ресурсом [2, с. 6], заинтересована в получении его от государства в обмен на её символический капитал и доверие в широких массах населения. Отсюда как многочисленные демонстративно-символические акции, официально выражающие единство государственных и церковных позиций по многим актуальным вопросам, так и реальная взаимная поддержка ряда начинаний, в последние годы принимающая формы социального партнёрства.

В проекции общественного сознания, проправославный консенсус являет собой со-

циальное настроение – комплексный, интегральный феномен «коллективных представлений», характерный для эпохи современности. Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко выделяют следующие его сущностные признаки: это принципиально новое качество общественного сознания, определенно и наглядно отражающее предшествующий опыт, управляющее жизнью человека в данный момент времени и при этом более долговременное, чем просто общественное мнение, являющееся непосредственным предшественником и даже компонентом поведения, показывающим с высокой степенью вероятности его направленность [14, с. 12-13]. Социальные настроения типологизируются по масштабу (шкала «индивидуальное – массовое»), по субъекту (настроение различных групп и слоев общества), по социальным практикам (политическое, трудовое, религиозное, этническое), по степени удовлетворения социальных ориентаций (шкала «позитивное – негативное»), по глубине (шкала «глубинное, или долгосрочное – ситуативное, или краткосрочное») [14, с. 22-24].

Проправославный консенсус в российском обществе начинает складываться как массовый тренд общественного сознания во второй половине 1990-х гг., сменяя в нём первоначальный период синкретической религиозной «всеядности». В качестве нормативных «кристаллизаций» и вместе с тем значимого фактора развития на социетальном уровне обоих указанных настроений можно рассматривать Федеральные Законы «О свободе вероисповеданий» 1990 г. и «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. В ситуации идейного вакуума общество полустихийно, полуорганизованно обратилось к проверенным веками и историческими кризисами символам и институтам, наиболее устойчивыми и значимыми из которых выступили религиозные традиции. Сначала религии вполне закономерно оказались представлены в виде стихийного «рынка спиритуальных товаров» (А. Тоффлер), на котором выделялись некоторые наиболее влиятельные и организованные новые и нетрадиционные религиозные организации

и движения, имевшие сильную поддержку из-за рубежа. В дальнейшем, с изменением приоритетов религиозной политики государства, произошла переориентация ответственности на традиционные религии и конфессии. Первой из таковых в России по праву является православное христианство с его государство- и культуuroобразующей ролью в истории страны. Вполне закономерно, что именно оно стало основным «зеркалом», в котором дезориентированное после распада советской государственности и её идеологических устоев общество попыталось увидеть себя с тем, чтобы собрать, осмыслить, реконструировать свой образ и свой жизненный проект в новых условиях катастрофического обновления.

В данной связи проправославный консенсус представляет собой новое (и довольно контрастное на фоне предыдущего периода) качество российского общественного сознания. Это качество вполне определённо и наглядно отражает предшествующий, уходящий глубоко в историю социальный опыт. При этом оно актуально и непосредственно определяет поведение значительной части общества в отношении религиозной ситуации и государственно- и общественно-конфессиональных отношений.

Преобладающая направленность такого поведения может быть охарактеризована как пассивно-одобрительная: люди в массе своей демонстративно-символически проявляют признаки позитивного отношения к религии и в особенности к «православию», при этом дистанцируясь от того и другого в своих повседневных практиках. Как отмечает Б.В. Дубин, даже для многих верующих их вера «чаще всего имеет... общее морально-психологическое значение, как бы, не накладывая собственно религиозных обязательств, не выступая в качестве коллективных норм действия и не предусматривая личной ответственности, практических императивов поведения» [1, с. 178]. С поведенческой точки зрения, в этом они мало отличаются от своих неверующих соотечественников и современников, известная часть которых «признает в той или иной

мере авторитет церкви в социальных и моральных вопросах и хотела бы прислушаться к ее голосу, особенно, чтобы религиозно-нравственные начала воздействовали бы на реальную, далекую от морали деятельность светских политиков» [1, с. 231]. То же относится к другим традиционным религиям. Как следствие, отмечает М.М. Мчедлова, «институционализованные российские конфессии распространяют в определённой мере своё влияние на неверующую часть населения, вследствие чего граница между верующими и неверующими не является непрозрачной и незыблемой» [10, с. 21].

Итак, предварительно обобщая ключевые характеристики проправославного консенсуса, мы можем определить его как значимый, в значительной мере определяющий тренд российской религиозной ситуации с конца 1990-х гг. по настоящее время, выраженный в преобладающей позитивной социальной оценке «православия» различными субъектами общественной жизни. Он проявляется на институциональном уровне, главным образом, в консолидации политических субъектов государственной власти с церковными структурами, представленными РПЦ МП как наиболее крупной и авторитетной православной религиозной организацией, а на уровне общественного сознания – в соответствующем социальном настроении. Сегодня можно с уверенностью утверждать такие его характеристики, как массовость, позитивный характер и устойчивость, указывающую с большой вероятностью на его глубинное, системное качество. При этом остаются в большей или меньшей степени проблемными качественно-количественные характеристики субъектности данного социального настроения – того, кто и в какой степени является его носителем, и его соотносённости с религиозными и другими жизненными практиками разделяющих его людей. Эти вопросы ещё ждут соответствующих исследований.

Из двух базовых компонент российского проправославного консенсуса нам представляется определяющей та, которая характеризует общественное сознание. Учитывая

традиционную амбивалентность отношения российской общественности к государству, более вероятно предположение о том, что в глазах большинства народа известную легитимацию государственной власти сообщает церковь, чем обратное. Именно данное социальное настроение, рефлексивно учитываемое государством, сообщает церкви тот символический капитал, который и придаёт ей в глазах последнего основную ценность [2, с. 7-8]. Главным образом, по этой причине дальнейший анализ будет посвящён российскому проправославному консенсусу в модальности социального настроения.

В данной связи можно выделить следующие основные показатели влияния проправославного консенсуса на массовое сознание российского общества, которые характеризуют взаимосвязанные, но отличные друг от друга компоненты данного социального настроения:

- доверие в обществе к церкви (в лице РПЦ МП);
- преобладание позитивного имиджа православия и церкви;
- преобладание позитивных социальных ожиданий от религии и церкви, их взаимодействия с обществом.

В постсоветском российском обществе Русская православная церковь Московского Патриархата олицетворяет собой социальный институт, вызывающий особенное доверие граждан. Уровень этого показателя в среднем составляет 60-70%. По данным ФОМ на начало 2014 г., доверие к РПЦ испытывают 63% респондентов, при этом скептически по отношению к Церкви настроены лишь 15% россиян [15]. Такой уровень доверия существенно превышает аналогичные показатели отношения людей к большинству основных институтов, за исключением нескольких сопоставимых, как-то: Президент, армия, Российская Академия Наук. При этом характерно, что целый ряд скандалов в СМИ вокруг РПЦ МП в 2012-2014 гг. повлиял на данное отношение значительно слабее, чем можно было ожидать [6, с. 171-172].

Глубокое объяснение этому факту дал в своё время Б.В. Дубин. Согласно его точке

зрения, «массовое «доверие» в нынешнем российском обществе перенесено на институты и фигуры, которые олицетворяют авторитарно-иерархическое господство... Таковы силовые структуры РФ, такова нынешняя Русская православная церковь». В этой связи «в точном смысле слова здесь следует говорить не о реальном доверии, характерном для развитых и сложных современных обществ, а о традиционалистском и воображаемом уповании на желаемый результат» [1, с. 401]. Иными словами, это не непосредственное доверие, возникающее как следствие многократно повторённого целерационального обмена благами, удовлетворившего обе стороны, но особое, абстрактное по отношению к реальному социальному пространству-времени, ценностнорациональное доверие с большой долей традиционализма. Церковь выступает здесь, прежде всего, как символ «всего святого», возвышающийся над суетой повседневной эмпирики, и этот символ является значимой ценностью сам по себе, вследствие чего он дистанцируется в сознании от этой последней. По всей видимости, это и создаёт значительный «ресурс абстрагированности», который позволяет людям сохранять высокий уровень доверия к церкви, невзирая на и даже вопреки удручающим фактам, происходящим порой в церковной ограде.

Позитивный имидж православия и церкви связан с резким возрастанием в постсоветской России уровня социального престижа религиозной принадлежности и, напротив, снижением престижа неверия и атеизма. В этой связи с 1990-х гг., согласно выводам С.В. Туманова, религиозность «выступила составным и необходимым элементом ... общего имиджа» людей, при том что она не стала для большинства из них внутренней потребностью [15, с. 110]. Ближе к рубежу тысячелетий оформился чёткий вектор ориентации данного умонастроения на традиционные российские религии, в первую очередь – православное христианство, представленное РПЦ МП.

Нам представляется, что в своей основе этот ментальный поворот к указанной кон-

фессии выражает общий для позднего Модерна мировоззренческий сдвиг от светскости атеистической и контррелигиозной к светскости, толерантной к религии, вплоть до активного практического интереса к ней [5, с. 89-90]. Но при этом непосредственным определяющим его вектором умонастроений выступает восприятие «православия» как этнонационального символа, что некоторые серьёзные исследователи склонны трактовать в контексте категорий архаизации/традиционализма – «обращённости к прошлому социокультурному опыту на фоне социальных катаклизмов» [4, с. 97]. Православное христианство и церковь видятся людьми как, прежде всего, привлекательный смыслообраз общенациональной, с сильным русско-этническим акцентом, идентичности. В значительной степени здесь сохраняет актуальность формулировка, отчеканенная в своё время В.С. Высоцким: «Они – богатство нашего народа, хотя и пережиток старины». Однако здесь, на наш взгляд, существенно то, что религия выступает в данном контексте не как значимая сама по себе (терминальная ценность), но рефлексивно опосредована светскими ценностями престижа и ресурса. При этом весьма важным фактором массового распространения и укрепления этой установки выступает то, что православные праздники и обряды «как для молодёжи, так и для старших поколений россиян, представляют собой сегодня по большей части массмедийное зрелище, своеобразное шоу, демонстрируемое одновременно по двум наиболее популярным и доступным для всех каналам центрального телевидения» [1, с. 183].

Наконец, важный аспект проправославного консенсуса составляют массовые позитивные ожидания от религии и церкви, которые закономерно возникли и сохраняются на фоне затяжного кризиса социальных отношений. Среди способствующих этому факторов М.П. Мчедлов отмечал «общественную нестабильность, затяжной моральный и социальный кризис, отсутствие понятых и принятых народом светских

концепций выхода из него, историческую память народа о патриотической деятельности церкви в самые трудные переломные периоды, выступление конфессий в защиту прав и достоинства людей обездоленных..., против распространившихся отрицательных явлений – бездуховности, цинизма, коррупции, наркомании и т. п.» [8, с. 16]. Б.В. Дубин, анализируя социальную эволюцию постсоветского российского общества, особенно подчёркивал тенденции «массовизации и атомизации социального вещества без его социального «уплотнения», под которым он понимал институционализацию и дифференциацию различных ценностей, идей, программ, форм действия [1, с. 403]. Конфессиональные институты в данных условиях до известной степени выполняют функцию «заместителей» дефицитных институтов гражданского общества.

Указанные ожидания, или экспектации, позиционируют ту функциональную (в плане явных и социально позитивных функций) нишу, которая отводится религии в массовых представлениях жителей России, конструирующих её повседневность. Прежде всего, это компенсаторная функция: «религия утешает в беде и помогает пережить её». Вторая функция – сохранение/поддержание/улучшение общественной нравственности («религия удерживает от дурных поступков и помогает стать высоконравственным человеком»), т.е. социализация в её сущностном ядре. Мировые религии сформировались и приобрели своё влияние именно как нравственно-этические учения, освящённые высшим (сверхъестественным) авторитетом, и социальная память продолжает ассоциировать их с этой сферой *par excellence*. Третья – функция помощи в решении жизненных проблем (в частности, «охране от несчастий и болезней»), что также можно рассматривать как подвид компенсаторной функции. Она представляется генетически более древней, архаичной, нежели религиозная этика, основанной на ассоциации религиозного и магического действия, пред-

полагающего заручиться помощью высших сил. Не в последнюю очередь востребована и мировоззренческая функция религии, состоящая в объяснении жизненных ситуаций, «ответах на самые трудные вопросы миропонимания». Кроме того, довольно значимы культурно-транслирующая («сохранение национальных традиций и культуры») и регулятивная («обеспечение духовно-нравственного возрождения общества») функции [9, с. 233-234].

Из приведённого беглого анализа следует, что характерное для сегодняшнего российского общества влиятельное социальное настроение проправославного консенсуса обусловлено комплексом обстоятельств, обусловленных не столько самой по себе ревitalизацией религии, сколько трансформациями светского «большого общества». Среди условий, благоприятствующих распространению и сохранению данного настроения следует выделить: возросшую потребность общества и человека в религии вследствие системного социального кризиса («катастрофического постмодерна»); символический капитал православного христианства, понимаемого как национальное (этническое) достояние и особого рода «доверие» людей к церковным институтам, тесно связанное с внутренним дистанцированием от них как от сферы «экстраординарного, далёкого, тайного». Совпадение этих трёх разнородных трендов образует точки опоры массового проправославного консенсуса как знакового явления постсоветской России. Можно с известной уверенностью утверждать, что сохранение актуальности указанных условий является залогом поддержания этого консенсуса в качестве мейнстримного или, во всяком случае, значимого тренда религиозной ситуации в российском обществе. Напротив, возникновение достаточно сильных и устойчивых контртенденций при отсутствии новых влиятельных факторов привлекательности религии и церкви для общества несёт с собой сильные риски для всех составляющих рассматриваемого явления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дубин Б.В. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
2. Непосредственный властный ресурс РПЦ МП в российском обществе, по оценке А.А. Зайченко на начало 2000-х гг., составлял порядка 1% Зайченко А. Авторитет как политический ресурс церкви // Религия и право. 2003. № 4.
3. Каарияйнен К., Фурман Д.Е. Религиозность в России на рубеже XX – XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 2.
4. Ламажаа Ч.К. Воспроизводство архаики. Почему? // Человек. 2011. № 2. С. 97-103.
5. Лебедев С.Д. Парадоксы религиозности в мире Позднего Модерна // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 81-90.
6. Лебедев С.Д. Тезисы к заседанию Научного Совета ВЦИОМ «РПЦ: вызовы, разломы, риски в новой общественно-политической ситуации» // Мониторинг общественного мнения. 2012. №4(110). С. 171-172. URL: <http://wciom.ru/93/> (дата обращения: 12.12.2014)
7. Лопаткин Р.А. Социологическое изучение религиозной ситуации и государственно-церковных отношений / Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). Отв. ред. Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцов, Н.А. Трофимчук. М.: РАГС, 1996.
8. Мчедлов М. Об особенностях мировоззрения верующих в постсоветской России // Религия и право. 2002. № 1. С. 15-17.
9. Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М.: Научная книга, 2005.
10. Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 11-24.
11. Новые церкви, старые верующие старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007.
12. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009.
13. Синелина Ю.Ю. Церковь и интеллигенция: мифы и реальность // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 4 (110). С. 61-70.
14. Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996.
15. Туманов С.В. Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение (опыт интегративного анализа). М.: Изд-во МГУ, 2000.
16. Фонд «Общественное мнение» выяснил, как жители России относятся к РПЦ. URL: <http://www.newsru.com/religy/13feb2014/umfrage.html> (дата обращения: 12.12.2014)

REFERENCES:

1. Dubin B.V. Living in Russia at the Turn of the Centuries. Sociological Essays and Development. M.: Progress-Tradition. 2007.
2. Direct Power Resource of ROC in the Russian Society, according to A.A. Zaichenko, was about 1% at the beginning of the 2000s. Zaychenko A. The authority of the church as a political resource // Religion and pravo. 2003. № 4.
3. Kaariaynen K., Furman D.E. Religiosity in Russia at the Turn of the XX- XXI Centuries // Social studies and the present. 2007. № 2.
4. Lamazhaa Ch.K. Reproduction of the Archaic. How Come? // Man. 2011. № 2. pp. 97-103.
5. Lebedev S.D. Paradoxes of Religiosity in the Late Modern World // Sociological studies. 2010. № 12. Pp. 81-90.
6. Lebedev S.D. Abstracts of the Meeting of the Scientific Council of the Polls were «ROC: Challenges, faults, the risks in the new socio-political situation» // Monitoring of public opinion. 2012. №4 (110). pp. 171-172. URL: <http://wciom.ru/93/> (date of access: December 12, 2014)
7. Lopatkin R.A. A Sociological Study of the Religious Situation and State-church Relations / Church-state Relations in Russia (the experience of the past and present state). Ed. F.G. Ovsienko, M.I. Odintsov, N.A. Trofimchuk. M.: RAGS, 1996.
8. Mchedlov M. On the Peculiarities of Believers in the World of Post-Soviet Russia // Religion and Law. 2002. № 1. Pp. 15-17.
9. Mchedlov M.P. Theological Essays. Religion in the Spiritual and Political Life of Modern Russia. M.: Science Book, 2005.
10. Mchedlova M.M. Modern Parameters of the Return of Religion: Perspectives of the Problem // Bulletin of the Institute of Sociology. 2012. № 4. Pp. 11-24.
11. New Churches, old Believers – the old Church, the new Believers. Religion in Post-Soviet Russia / Ed. K. Kaariaynena, D. Furman. M.; SPb.: Summer Garden 2007.
12. The Russian Daily in Times of Crisis / edited M.K. Gorshkov, R. Krumm, N.E. Tikhonov. M.: Alpha-M, 2009.
13. Sinelina J.J. The Church and the Intelligentsia: Myths and Reality // Monitoring of public opinion. 2012. № 4 (110). Pp. 61-70.
14. Toshchenko J.T., Kharchenko S.V. Social Mood. M.: Academia, 1996.
15. Tumanov S.V. Modern Russia: the Mass Consciousness and Mass Behavior (experience integrative analysis). M.: MGU, 2000.
16. The Fund «Public Opinion» figured out how to relate to people of Russian Orthodox Church. URL: <http://www.newsru.com/religy/13feb2014/umfrage.html> (date of access: December 12, 2014)

УДК 304.442

Нестерова А.Г.

**ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОЙ
СИТУАЦИИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ (2011-2014 гг.)****Нестерова Анна Геннадиевна,***кандидат социологических наук, доцент*

Волгоградский государственный университет,

пр. Университетский, 100, Волгоград, 400062, Россия; E-mail: nesterova100378@mail.ru**АННОТАЦИЯ**

В статье рассматриваются предпосылки и отдельные аспекты современной религиозной ситуации в Волгоградской области – наличие конфессий и количество религиозных организаций, функционирующих на территории области. Волгоградская область исторически имеет особый геополитический статус, так как граничит с Казахстаном, а также территориально близко расположена к регионам Северного Кавказа. Религиозная картина Волгоградской области представлена 22 вероисповеданиями, среди которых наиболее многочисленные на протяжении последних лет являются православие и ислам. Кратко представлены результаты социологического исследования религиозной ситуации в Волгоградской области в динамике за последние несколько лет, которые сводятся к следующим выводам: многонациональное население Волгоградской области обладает достаточно высоким уровнем толерантности. Вероисповедная политика в Волгоградской области способствует стабилизации духовно-нравственной обстановки, формированию толерантного сознания, укреплению основ веротерпимости, взаимопонимания людей разных национальностей и разных вероисповеданий.

Ключевые слова: религиозная ситуация; толерантность; религиозность.

Nesterova A.G.

**DYNAMICS IN THE RELIGIOUS
SITUATION IN VOLGOGRAD REGION
(2011-2014 years)****Nesterova Anna Gennadievna, PhD in Sociology, Associate Professor**

Volgograd State University

100 Universitetskiy Ave., Volgograd, 400062, Russia; E-mail: nesterova100378@mail.ru**АБСТРАКТ**

The article considers some prerequisites and aspects of the current religious situation in Volgograd Region – the existence of religious denominations and the number of religious organizations functioning in the Region. Historically Volgograd Region has a special geopolitical status, as it borders with Kazakhstan, besides, it is geographically located close to the regions of the North Caucasus. The religious picture of Volgograd Region is represented by 22 denominations, including the most numerous in recent years – the Orthodoxy and Islam. The author presents some results of the sociological research of the religious situation in Volgograd Region in dynamics over the past few years. According to these results, the multi-ethnic population of Volgograd Region is tolerant to different religions. The religious policy in Volgograd Region contributes to the stabilization of spiritual and moral environment, the formation of tolerance, strengthening the foundations of tolerance, mutual understanding of people of different nationalities and faiths.

Keywords: religious situation; tolerance; religiousness.

Влияние религии на современные процессы модернизации в различных регионах мира и в частности Российской Федерации сегодня трудно переоценить. В современном глобальном мире происходит усиление одних религиозных направлений и ослабление других. А процесс глобализации приводит к размыванию национальной и культурной идентичности и обособлению национально-культурного взаимодействия. Последние несколько лет показали, что проблемы религиозной толерантности или наоборот – религиозного экстремизма – становятся важным политическим инструментом в руках политических сил.

Очевидным является тот факт, что определенные политические структуры используют религиозные воззрения как средство дискриминации и разделения народов (примером является современная ситуация на Ближнем Востоке). А религиозно окрашенные лозунги используются в целях дестабилизации социокультурного климата в различных регионах планеты. Религиозный экстремизм – как явление XXI века становится головной болью мирового сообщества. И если справиться с ситуацией в Ливии или Ираке рядовым россиянам не под силу, то создать атмосферу веротерпимости и толерантности в границах собственных вполне посильная задача. Вот почему мониторинг религиозной ситуации сегодня – важная и своевременная задача, способная выявить малейшие изменения в религиозном климате отдельного российского региона и принять мера для сохранения стабильности и веротерпимости.

Волгоградская область исторически имеет особый геополитический статус, так как граничит с Казахстаном, а также территориально близко расположена к регионам Северного Кавказа. Религиозная картина Волгоградской области представлена 22 вероисповеданиями, среди которых наиболее многочисленные на протяжении последних лет являются православие (около 90% респондентов), ислам (около 7% респондентов) и остальные распределены между иными вероисповеданиями примерно по 0,5-0,1 % каждое.

Несмотря на такое разнообразие религиозных институтов, религиозная ситуация в Волгоградской области сохраняет свою стабильность, отличается низкой конфликтностью и высокой толерантностью. Проведенные в 2005-2013 гг. социологические исследования религиозной ситуации и мониторинги социокультурной ситуации Волгоградской области (N=1000) позволили выявить состояние религиозной ситуации в регионе и динамику ее развития.

Одним из важных характеристик религиозной ситуации является уровень религиозности населения. Поэтому одним из основных вопросов был «Считаете ли Вы себя верующим человеком?». На протяжении исследуемого периода доля верующих респондентов изменялась незначительно. Так если в 2005 году, почти 76% респондентов назвали себя верующими, то в 2013 году количество верующих респондентов увеличилось незначительно – около 80%. При этом, каждый четвертый респондент имеет неустойчивые мировоззренческие ориентации.

Можно отметить ситуативный характер религиозности населения Волгоградской области. Это выражается в том, что большинство опрошенных респондентов обращаются «к Богу» в трудной жизненной ситуации, а в остальное время практически не посещают храмы и не соблюдают основные религиозные ритуалы. Доля респондентов, для которых религия – одна из главных ценностей в жизни незначительна, не более 4% всех респондентов. Таким образом, истинно религиозных респондентов мало. При этом степень религиозности сельского населения продолжает оставаться более высокой, чем городского населения. Основные тенденции соответствуют общероссийским показателям: среди верующих больше женщин среднего и старшего возраста, чем мужчин.

Важным показателем стабильности религиозной ситуации в регионе можно считать уровень толерантности населения. Социологические исследования показали, что для респондентов не имеет значение верои-

споведание человека при определении степени доверия к нему (более 74% респондентов готовы доверять людям, независимо от его вероисповедания). В то же время не верующим доверяют менее 1% респондентов, а верующим – около 24%. В данном случае, респонденты отмечали, что абсолютно неверующий человек не заслуживает полного доверия.

Почти 70% респондентов уверены, что все религии на территории Российской Федерации должны обладать равными правами, которые гарантированы соответствующими конституционными принципами. В то же время, в районах, где количество православных респондентов приближается к 95% и выше, многие отмечали, что православие должно иметь преимущество как государствообразующая религия. Православие в сознании людей, независимо от пола, возраста, образования представляется религией, роль которой и в сегодняшней социально-политической жизни России достаточно велика. В основе большого числа заявленных православных как в городе, так и в области лежит представление о православии как общерусской традиционной религии, неотъемлемой части русской культуры. Преимущественное положение православия, как правило, отмечали в районах компактного проживания казаков на территории Волгоградской области (например, Ольховский, Урюпинский районы). В то же время, например, в Палласовском районе, где исторически проживают казахи, чеченцы, а представители православия составляют меньшинство – респонденты отмечали, что все религии на территории Российской Федерации должны иметь равные права.

В настоящее время можно выделить множество факторов, которые так или иначе могут повлиять на религиозную ситуацию в Волгоградской области и в России в целом. Отсутствие религиозной нетерпимости, противоречий и конфликтов по религиозным вопросам в обыденной жизни, на уровне межличностного общения – важный показатель стабильности религиозной си-

туации в регионе в последнее десятилетие.

В то же время следует отметить ряд тенденций, которые наметились в религиозной ситуации Волгоградской области в последние несколько лет. Одной из таких тенденций является тот факт, что религиозные организации остаются важными социальными институтами, которые профессионально занимаются духовым и нравственным воспитанием и сохраняют высокую степень доверия граждан.

Особый авторитет традиционно сохраняет Русская православная церковь, особенно в районах области с компактным проживанием донских казаков (Урюпинский, Клетский, Михайловский и др.) Учитывая значительно преобладание православных респондентов в области, это не вызывает удивления. Несмотря на то, что РПЦ в последние годы часто оказывается в центре скандалов[4, 5, 8], доверие к ней неуклонно растет.

В то же время в обществе наблюдается рост ксенофобных настроений. Причем если раньше в ксенофобских настроениях преобладал антисемитизм, то теперь основное раздражение вызывают кавказцы, которые, в большинстве своем представляют ислам. Всплеск ксенофобии в Волгоградской области был обусловлен рядом террористических актов, осуществленных на территории Волгоградской области исламскими боевиками (2000, 2011 и 2013 гг.). Однако об открытых противостояниях между православием и исламом, пока нет. Большинство конфликтов, имеющих место между представителями ислама и иных вероисповеданий, на территории Волгоградской области имеют бытовой характер, а не религиозное противостояние. Особенно часто подобные бытовые конфликты возникают в местах компактного поселения приверженцев ислама (Палласовский и Светлоярский районы).

Еще одной тенденцией, более характерной для всей России в целом, является политизация религиозных организаций, которая в разной степени характерна сегодня практически всем конфессиям.

Несмотря на кажущуюся «открытость народу» РПЦ является достаточно закрытой политической структурой с монархической формой правления и неприятием любых проявлений демократии [11]. Другим проявлением политизации является тот факт, что известные политические и общественные деятели поддерживают религиозные фонды и организации [2, 7].

В исламе политические вопросы неотделимы от собственно религиозных. Причиной политизации ислама является, по мнению некоторых исследователей, период политического возрождения, который выражается в появлении различных религиозно-политических доктрин. Например, теория «исламского пути развития» сводится к декларации о стремлении к миру, социальной справедливости, демократии, равноправии всех народов и наций, и признает ислам в качестве краеугольной основы государства [10]. А такое явление как «ваххабизм» многие видят основным источником проблем.

«Парадокс в том, что, привычно пугаясь «ваххабизма», федеральная власть, – по словам А.В. Малащенко, – пребывает в твердой уверенности в конформизме традиционного ислама как на Кавказе, так и в Поволжье, не обращая внимания на его политизацию. И если кто-то из ответственных чиновников федерального уровня вдруг узнает, что традиционный ислам также содержит политическую составляющую, а его носители полагают себя не просто союзником, но и наставником для местных политиков, то они, скорее всего, удивятся и не поверят этому обстоятельству» [3].

Еще одной тенденцией, которая вызывает наибольшее беспокойство исследователей, является «национализация» религии. Происходит переход от этнонационального компонента религии к националистическо-

му, что представляет определенную опасность. Такие тенденции характерны и для ислама и для православия, а так же в той или иной мере затронули все религии и верования России и Волгоградской области.

Об этом косвенно может свидетельствовать тот факт, что большинство респондентов, считающих себя православными (около 76%), не верят в Бога и не считают себя верующими. То есть православие выступает не как религия, а как признак национальной идентичности: «Я православный – значит я русский». Данный принцип закрепился не только в массовом сознании, но и в официальных концепциях РПЦ [6].

Тенденция национализации религии исходит как от общества, так и от религиозных организаций. Если для русского населения характерно причислять себя к православию, то населения территорий распространения ислама и буддизма ассоциируют себя именно с этими религиями.

Все эти тенденции позволяют охарактеризовать религиозную ситуацию Волгоградской области как устойчивую и стабильную. Многонациональное население Волгоградской области положительно относится к различным вероисповеданиям, обладает достаточно высоким уровнем толерантности. Вероисповедная политика в Волгоградской области способствует стабилизации духовно-нравственной обстановки, формированию толерантного сознания, укреплению основ веротерпимости, взаимопонимания людей разных национальностей и разных вероисповеданий. Поэтому ее дальнейшее ее развитие должно осуществляться на основе глубокого анализа, постоянного мониторинга состояния дел в сфере государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений, укреплении правовых основ деятельности религиозных организаций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беликова Е.О. Религиозная ситуация в Волгоградской области: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2007. 202 с.
2. Голос Церкви должен звучать в полную силу монархии. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/vladimir-putin-golos-cerkvi-doljen-zvuchat-v-polnuyu-silu.html> (дата обращения: 02.09.2014)
3. Малашенко А. Ислам для России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 120.
4. Никонов А. РПЦ умирает. И слава Богу! URL: <http://argumentua.com/stati/rpts-mp-umiraet-i-slava-bogu> (дата обращения: 01.09.2014)
5. Олигархи в рясах: ТОП «роскошных» скандалов из церкви. URL: <http://news.bigmir.net/ukraine/686771-Oligarhi-v-rjasah-TOPI--roskoshnyh--skandalov-iz-cerkvi> (дата обращения: 01.09.2014)
6. Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 02.09.2014)
7. Путин В.В. Сила России заключается в ее вековых ценностях. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/72343.htm> (дата обращения: 01.09.2014)
8. Самые громкие скандалы и преступления РПЦ! URL: <http://www.youtube.com/watch?v=IQbQN5HyCC8/> (дата обращения: 02.09.2014)
9. Сгибнева О.И. Современная религиозная ситуация: социологический анализ // Власть. 2012. №3. С. 75-78.
10. Станкевич Г.В. Политизация религии как отражение глобализационных тенденций в современном мире. URL: http://www.rusnauka.com/11_EISN_2011/Politologia/7_84853.doc.htm (дата обращения: 09.09.2014)
11. Шаргунов А. Мир без православной монархии. URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/46441.htm> (дата обращения: 29.08.2014)
12. Швечиков А. Русская православная церковь и монархия. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2013/04/06/russkaya-pravoslavnaya_cerkov_i_monarhiya/ (дата обращения: 27.08.2014)

REFERENCES:

1. Belikova E.O. Religious Situation in Volgograd Region: Sociological Analysis: dis. ... Phd in Sociology. Volgograd, 2007. 202 p.
2. Voice of the Church must be Heard in Full Force Monarchy. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/vladimir-putin-golos-cerkvi-doljen-zvuchat-v-polnuyu-silu.html> (date of access: September 02, 2014).
3. Malashenko A. Islam for Russia. M. : Russian Political Encyclopedia, 2007. P. 120.
4. Nickonov A. The Russian Orthodox Church Dies. Thank Goodness! URL: <http://argumentua.com/stati/rpts-mp-umiraet-i-slava-bogu> (date of access: December 02, 2014)
5. The Oligarchs in Robes: TOP «Luxury» of the Church Scandals. URL: <http://news.bigmir.net/ukraine/686771-Oligarhi-v-rjasah--TOP--roskoshnyh-skandalov-iz-cerkvi> (date of access: December 22, 2014)
6. The Foundations of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (date of access: December 23, 2014)
7. Putin V.V. Russia's Strength is in its Age-old Values. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/72343.htm> (date of access: December 12, 2014)
8. The most high profile scandals and crimes of the Russian Orthodox Church! URL: <http://www.youtube.com/watch?v=IQbQN5HyCC8/> (date of access: December 24, 2014)
9. Sgibneva O.I. The Current Situation with Religions: the Sociological Analysis // Power. №3. 2012. Pp. 75-78.
10. Stankevitch G.V. The Politicization of Religion as a Reflection of the Trend of Globalization in the Modern World. URL: http://www.rusnauka.com/11_EISN_2011/Politologia/7_84853.doc.htm (date of access: December 22, 2014)
11. Shargunov A. The World Without Orthodox Monarchy. URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/46441.htm> (date of access: December 22, 2014)
12. Shvechikov A. The Russian Orthodox Church and the Monarchy. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2013/04/06/russkaya_pravoslavnaya_cerkov_i_monarhiya/ (date of access: December 22, 2014)

УДК 316.74

*Рязанова С.В.,
Пермякова Н.С.*

**ЭТНИЧЕСКОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ
САМОСОЗНАНИЕ КАК ФАКТОРЫ
ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЙ
МОЛОДЕЖИ БОЛЬШОГО ГОРОДА
(НА ПРИМЕРЕ г. ПЕРМЬ)**

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Пермский научный центр УрО РАН, Мира, 26, Пермь, 614066, Россия;

E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

Пермякова Наталья Сергеевна

Пермский научный центр УрО РАН, ул. 1-я Урожайная, 14, Пермь, 614065, Россия

E-mail: perminata@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности национальной и конфессиональной самоидентификации русской молодежи как части титульной нации. Этническое и национальное сознание анализируются как значимые составляющие процесса индивидуальной и групповой самоидентификации. Исследование охватывает учащуюся и работающую молодежь, приехавшую и изначально проживающую в городе. Молодежь является объектом, изучение которого позволяет прогнозировать закономерности социального развития в будущем. Рассмотрение проблемы учитывает поликонфессиональный, полиэтничный и пограничный в географическом отношении характер Урала как региона. Делается акцент на специфике поведения представителей именно титульной нации, как в значительной мере определяющей социальный портрет молодежи. Понятие большого города используется как устойчивое, наделенное рядом характерных черт. Авторы устанавливают причины сниженного интереса к религиозному и этническому отождествлению себя с группой у молодых людей, принадлежащих к разным социальным группам и объединенных проживанием в крупном городе. Определяются условия, необходимые для интенсификации процесса идентификации. Предлагаются средства актуализации процессов формирования идентичности молодежи.

Ключевые слова: постсоветская Россия; проправославный консенсус; религиозная ситуация; социальное настроение.

*Ryazanova S.V.,
Permyakova N.S.*

**ETHNIC AND CONFESSIONAL CONSCIOUS-
NESS AS FACTORS OF IDENTIFICATION
IN THE RUSSIAN YOUTH OF THE BIG CITY
(ON THE EXAMPLE OF PERM)**

Ryazanova Svetlana Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Perm Scientific Center of Ural Division of the Russian Academy of Sciences

26 Myra St., Perm, 614066, Russia; *E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru*

Permyakova Natalya Sergeevna

Perm Scientific Center of Ural Division of Russia Academy of Sciences

14 1-Urozhainaya St., Perm, 614065, Russia; *E-mail: perminata@mail.ru*

АБСТРАКТ

The authors consider the features of the national and confessional self-identification of the Russian youth as part of the title nation. The ethnic and national consciousness is analyzed as significant components of the process of individual and group self-identification. The research covers the studying and working youth – the newcomers and residents of the city. The youth is the object whose studying allows to predict the common factors of social development in the future. The consideration of the problem includes the multi-confessional, multi-ethnic and geographically boundary character of Ural as a region. The emphasis is placed on the specifics of behavior of representatives of the title nation, as it considerably determines the social portrait of the youth. The concept of the big city is used as a steady concept, possessing a number of characteristic features. The authors reveal the reasons for the reduced interest in the religious and ethnic self-identification with the group in young people belonging to different social groups and united by residence in the large city. The authors determine some conditions necessary for the intensification of the process of identification. Besides, they offer a number of ways aimed at updating the processes of identity formation in the youth.

Keywords: youth; identity; consciousness; culture; ethnic; confessional.

Исследования социальной идентичности стали особенно актуальными в последнее время в силу ряда произошедших в обществе перемен. Возникло целое направление представителей социологической мысли, посвятивших свои работы проблемам этой направленности [4, 20, 21, 31]. Западные социологи также отмечают, что идентичность является ключевым понятием для современного общества [36, с.367]. Стоит констатировать, что данная категория находится на перекрестке междисциплинарных интересов, несмотря на длительную историю связанного с ней дискурса [23].

Н.И. Даудрих, аргументируя значимость проблемы, констатирует: «Во-первых, поведение человека, его действия во многом зависят от того, из какой социальной позиции он действует, причем значимым оказывается не только само объективное положение человека в общественной структуре, но и то, как оно видится своему носителю, то есть его социальная идентичность. Во-вторых, в период крупных структурных перемен в обществе происходит смена сложившихся ранее идентичностей, формирование новых, восстановление разрушенных, исчезновение некоторых прежних идентичностей. Ряд аспектов идентичности трансформируется особенно значимо: так, серьезные изменения происходят с пространственными и временными аспектами из-за переопределения границ самой территории общества и рамок протяженности его социального времени» [6, с. 77-78]. Становление идентичности представляет собой перманентный процесс, связанный с утверждением межперсональных связей [37, с. 748] и конструированием индивидуальной идентичности [40; 33, с. 389], и этот релятивизм обеспечивает постоянную актуальность изучения самого процесса. Общеизвестно, что «“нормально” функционирующая идентичность всегда проблемна и представляет собой направленный идентификационный процесс, имеющий как свои цели, так и предпосылки, где одни образы Я поддерживаются, другие достигаются, а третьи отвергаются» [7, с. 178].

В ряду наиболее значимых факторов в формировании современной идентичности стоят этническое и конфессиональное са-

мосознание как определяющие, во многом, поведение личности в социальном пространстве. Конструирование обоих видов идентичности представляется индикатором роста уровня самосознания индивида и группы. Гендерная и этническая идентичность являются центральными компонентами в структуре социальной идентичности личности, поскольку «именно принадлежность к этническим и гендерным группам представляет собой наиболее очевидные основания для категоризации» [16]. Поэтому национальная и религиозная идентичности играют ведущую роль в условиях разного рода социальных конфликтов и противоречий [18].

Предметом рассмотрения выбраны особенности идентификации, протекающей в молодежной среде. Молодежная страта выбрана нами в качестве объекта исследования, прежде всего, потому, что это позволяет оценивать перспективы идентификационных процессов, прогнозировать их протекание, предвидеть, какими будут параметры этноконфессионального пространства страны в будущем. Н.И. Даудрих справедливо отмечает, что «идентичность молодых более неустойчива, в ней отсутствует окончательная сформированность, она быстрее реагирует на происходящие перемены» [6, с. 86]. Процесс становления идентичности на ранних этапах жизненного пути протекает наиболее интенсивно и ярко. Именно в юности связанные с идентичностью установки приобретают устойчивость, укрепляется осознание своей принадлежности к группе, определяется мотивация ее выбора, формируется мировоззрение [16]. Одновременно становление этнорелигиозного сознания является показателем гражданской зрелости молодежи и завершения процесса социализации.

Различные аспекты молодежной самоидентификации уже были рассмотрены в ряде научных публикаций [3, 12, 13, 19]. Вместе с тем, в большинстве из них мы не встречаем детального анализа особенностей восприятия молодежью групп, которые обладают иными конфессиональными и этническими качествами, в то время как именно восприятие другого и конструирование понятия границы с другим являются краеугольными камнями для формирования собствен-

ной идентичности [27, с. 119; 5, с. 198; 34, с. 240].

Важность такого рода исследования для Перми усугубляется тем, что Урал традиционно является многонациональным и поликонфессиональным регионом. На территории Перми проживают представители более шестидесяти национальностей, а также последователи основных традиционных религий и около трех десятков религий нового типа [данные переписи населения 2002 г. по Пермскому краю]. Исследования, затрагивающие территории с такими характеристиками, уже неоднократно проводились в отечественной и зарубежной социологии [1, 10, 11, 15, 26, 28, 38, 39], однако Пермский край не становился объектом отдельного внимания именно в аспекте изучения специфики этноконфессиональной идентичности.

Как правило, в таких условиях в исследовательских проектах особое внимание уделяется так называемым малым народностям, которые потенциально могут находиться в ущемленном по некоторым параметрам положении. Проблемы титульной нации в таких местностях чаще всего не принимаются во внимание, хотя и рассматриваются в некоторых работах [2]. Факторы формирования этнической идентичности русских также чаще рассматриваются в работах, исследующих регионы с иной титульной нацией [25].

Не ставя перед собой задачи охарактеризовать все аспекты и закономерности социального бытия титульных наций, авторы исследования ориентированы на выявление специфики, которая сопровождает самоидентификацию молодежи, относящейся к таким этническим общностям. Поэтому представляется необходимым исследовать особенности этноконфессиональной идентификации именно русской молодежи.

При определении темы было учтено и такое обстоятельство, как специфика большого города. В это понятие мы вкладываем совокупность ряда характеристик, которые сопровождают населенные пункты, численность проживающих в которых превышает один миллион. К таким параметрам относятся, несомненно, развитые инфраструктура и система массовой информации, многопрофильное производство, динамичная полити-

ческая жизнь, наличие резкой социальной, этнической и религиозной стратификации, многоступенчатая система образования. В связи с этим можно говорить о наличии целой системы факторов, формирующих молодежную идентичность в современную нам эпоху. Как отмечалось ранее, внутри этой системы важную роль играют конфессиональная и этническая идентичности. Основной целью исследования, таким образом, становится определение соотношения указанных идентичностей и доминанты в процессе самоидентификации русской молодежи, проживающей в большом городе.

Исследование проходило в мае-августе 2007 года в г. Перми – всего собственными силами было опрошено 805 человек. Объект исследования – молодежь, временно или постоянно проживающая в Перми в возрасте от 15 до 30 лет, учащиеся высших и средних специальных учебных заведений, а также работающие. Выборка – целевая квотная. Исходя из статистических данных по г. Перми, были пропорционально опрошены учащиеся государственных и негосударственных учебных заведений (гуманитарного, технического и естественнонаучного профиля), а также молодежь – работники умственного и физического труда. Всего было охвачено 20 различных специализаций. Среди опрошенных – студентов ВУЗов почти 50%, учащихся средних специальных заведений около 28%, остальные – работающая молодежь. Метод сбора информации – раздаточное анкетирование. Выбор метода [32, с. 26], обусловлен спецификой объекта исследования – молодежи, его интеграцией в малые социальные группы (студенческие группы, коллектив на предприятии). Предпочтение анкеты стандартизированному интервью объясняется тем обстоятельством, что задаваемые вопросы имеют глубокий интимно-личностный характер и не всегда могут быть озвучены вслух.

Граница между учащейся и работающей молодежью представляется нам размытой, поскольку многие совмещают эти два занятия, и здесь, скорее, отнесение молодого человека к первой либо второй группе зависит от его собственной идентификации. Тем не менее, 28,4% пришлось на тех, кто имеет высшее или незаконченное высшее образование;

почти 43% респондентов закончили только среднюю школу; 19,6% имеют незаконченное среднее образование. Самый низкий процент оказался тех, кто получил среднее специальное образование – чуть более 9%. Если говорить о профиле образования респондентов, то 42% пришлось на гуманитариев, 39,3% отнесли себя к получившим или получающим техническое образование, 13,5 сочли этот профиль естественнонаучным.

Что касается длительности проживания в краевом центре, то почти 60% опрошенных оказались уроженцами Перми, еще 31,6% – приезжие, ориентированные на постоянное проживание в городе, и около 10% полагают, что уедут после окончания учебного заведения.

Около половины (46,6%) респондентов пришлось на возраст 18-19 лет. Около 12% пришлось на группы в возрасте 16 и 17 лет. На каждый год от 20 до 26 лет процент охваченных опросом уменьшается с шагом в 1,5-2% – от 9 до 1,2%. На молодых людей в возрасте старше 26 лет пришлось всего 2,5%.

Для почти трети молодежи, принявшей участие в опросе, этническая принадлежность окружающих людей не является существенной: 27,3% заявили, что ни разу не интересовались национальным составом коллектива, в котором они учатся либо работают. Более

50% процентов участников опроса постоянно общаются в многонациональных коллективах (21,5% указавших, что коллектив мононациональный, на наш взгляд, плохо осведомлены в этом вопросе). Однако этого нельзя сказать об их собственной этнической принадлежности. Только 8% утверждают, что им безразлично, к какой национальности они принадлежат. Всего 1% готов поменять национальность, если бы представилась такая возможность, поскольку принадлежность к русским абсолютно ничего не дает.

Следует отметить, что в национальном вопросе большинство респондентов проявили умеренность: 56,5 % отметили, что придают вопросу своей этнической принадлежности небольшое значение, а 16,6% совсем отказались этой проблеме в значимости (почти 3% затруднившихся ответить, на наш взгляд, стоит отнести к последней группе – для них также вопросы национальной принадлежности не актуальны). Только около четверти опрошенных действительно придают значение тому, что являются русскими. Для мужчин этот показатель оказался более высоким (29,3%), чем для женщин (19,8%). Последние чаще всего (почти 60%) выбирали среди вариантов ответа тот, который говорит о незначительной важности самого факта собственной этнической принадлежности (таб. 1).

Таблица 1

**Зависимость представлений о традиционной культуре
и гендерной принадлежности (в % к числу опрошенных каждого пола)**

Table 1

*Dependence of the views of traditional culture and gender identity
(% of the questioned males and females)*

Какие возможности дает Вам Ваша национальность?	мужской	женский
Возможность чувствовать себя уверенно, поддержка от своих	32,3	37,2
Возможность сохранять и передавать детям язык, культуру	55,2	58,9
Возможность лучше отстаивать свои интересы	16,0	14,6
Возможность гордиться историей и культурой России	66,9	68,7
Возможность единения с людьми одной культуры, религии	19,5	17,2
Ничего не дает, хотел бы быть представителем другой национальности	1,2	0,9
Мне безразлично, к какой национальности принадлежу	5,8	9,6

Даже если бы эти показатели были гораздо выше в тех вариантах, что предполагают важность своей этничности, то собранные данные о том, насколько осведомлена молодежь в культуре своего народа, все равно подтвердили бы ее амбивалентность в этом вопросе. Так на вопрос: «Какие элементы культуры Вашего народа сохранились сегодня в Пермском крае?», почти 63% ответивших указали календарные праздники и обря-

ды, около трети опрошенных упомянули похоронно-поминальную практику, свадебные мероприятия и традиционную пищу, и только 60% указали в качестве живого элемента культуры родной язык. Примечательно, что среди девушек количество заявивших о своей осведомленности оказалось выше, чем у молодых людей почти по всем пунктам от 7% до 14% (таб. 2).

Таблица 2

**Осведомленность о национальных элементах культуры
в зависимости от пола (в % к числу опрошенных каждого пола)**

Table 2

Awareness of national elements of culture according to the gender (% of the questioned males and females)

В чем, прежде всего, заключается для Вас лично Ваша национальная принадлежность?	мужской	женский
Традиционный костюм	8,7	7,4
Традиционная пища	29,6	43,8
Календарные праздники и обряды	56,8	67,3
Свадебный обряд	24,9	38,3
Похоронно-поминальные обряды	33,0	40,3
Язык	56,2	62,5

Складывается впечатление, что внешней стороне материальной культуры дамы придают большее значение, нежели мужчины. Содержание ответов, очень слабо совпадающих с реальной ситуацией в городской культуре, в первую очередь свидетельствует о невнимании к вопросам такого рода в молодежной среде.

Между тем, более 60% утверждают, что в их семье сохранились национальные праздники (к сожалению, исследование количественного типа не дает возможности выяснить, что попадает в эту категорию), почти 30% указали, что придерживаются национальной кухни (также не оговаривая ее содержание). Около 13% затруднились ответить на этот вопрос, а 17% уверены, что никаких национальных традиций в их семье не воспроизводится.

Критерии, на основе которых национальная принадлежность определяется, оказались достаточно пестрыми (сами критерии в опросе были заданы в виде неальтернативных переменных): для 65,7% таковым является родной язык; около 52% полагают, что русские

имеют специфические черты характера и психологию поведения; 46% полагают, что основой является историческое прошлое; только 25,7% уверены, что этническая принадлежность сопряжена с конфессиональной; треть опрошенных готова считать, что национальность должна отражаться во всех чертах культуры. Такое соотношение вполне объясняет и сравнительно невысокую долю тех, кто готов быть задействованным в культурных традициях русского этноса. Так, исключительно в национальных праздниках принимают участие только 27% респондентов, 16,5% готовы откликнуться на торжества и других народов, для почти 15% безразлично, в рамках какой традиции они празднуют то или иное событие, а почти четверть опрошенных в принципе не принимает участие в мероприятиях такого рода. Если добавить к последней категории 17% затруднившихся ответить, то получается, что для почти 40% внешняя сторона национальной культуры не важна, а еще треть достаточно неразборчива в этом отношении.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, какие плюсы предположительно может извлечь русский молодой человек из своей национальности. В этом аспекте самая большая группа респондентов сложилась из тех, кто в этнической принадлежности видит, прежде всего, возможность гордиться историей и культурой России (67,9%). Примечательно, что здесь явно видно стремление представителей титульной нации в какой-то мере узурпировать источник происхождения общекультурных ценностей и достижений страны, связывая их с деятельностью почти исключительно русских. С другой стороны, в таком отношении можно увидеть и стремление повысить собственную значимость. Значительная доля молодежи выделяет среди преимуществ своей «русскости» возможность сохранять и передавать детям родные культуру и язык (57%). Кстати, почти 84% молодых людей действительно интересуются историей и культурой своего народа. 35,1% молодых людей уверены, что среди своего народа они всегда встретят поддержку и смогут найти единомышленников. Стоит отметить, что среди девушек оказалось несколько больше тех, кому в принципе безразлично, к какой национальности принадлежать (9,6% против 5,8% у молодых людей мужского пола).

Для 18,2% этническая принадлежность дает ощущение сопричастности с культур-

но-религиозным единством. Сравнительно невысокий процент молодежи, поддерживающей данный тезис, свидетельствует об интенсивных процессах модернизации социума, результатом чего становится его открытость новым веяниям, возникновение приоритетов универсального характера, выходящих за этнические или конфессиональные рамки. Собственно, широкое распространение с начала 1990 гг. так называемых новых религий является одним из аргументов в пользу данного утверждения. Хотелось бы также соотнести указанные 18,2% с теми 25,7%, которые готовы соединить национальное и религиозное. Меньшая доля тех, кто видит в православии преимущество, по сравнению с теми, кто просто фиксирует наличие некой общности, также, на наш взгляд, говорит о потере данной традиционной системой статуса общерусской системы верований, априори необходимой.

Гордость за свою национальную принадлежность испытывает около 51% респондентов. 36,3% склоняются к аналогичной позиции, и только чуть более 6% не видят причин гордиться тем, что они русские. Мужчины оказались более чувствительны в этом вопросе: в отличие от женщин, среди которых действительно испытывают чувство гордости 44,2%, они занимают аналогичную позицию почти в 60% случаев (таб. 3).

Таблица 3

**Зависимость гендерной принадлежности и гордости
за национальную принадлежность (в % к числу опрошенных каждого пола)**

Table 3

*Dependence of gender identity and pride in national identity
(% of the questioned males and females)*

Испытываете ли вы гордость за свою национальную принадлежность?	мужской	женский
Да, испытываю	59,7	44,2
Скорее да, чем нет	26,4	43,8
Скорее нет, чем да	3,2	2,6
Нет, не испытываю	4,6	2,6
Затрудняюсь ответить	6,1	6,8
Всего	100,0	100,0

Весьма примечательны указанные поводы для гордости. Более 60% в качестве таковых указали гостеприимство и широту души, 57,3% – отзывчивость, около 50% – открытость. Активность, предприимчивость и трудолюбие составили соответственно 34%, 21,5% и 44%. Треть считает, что можно гордиться честностью русского народа. Менее 15% среди похвальных качеств назвали скромность, хитрость и спокойствие. Только 3% полагают, что гордиться особенно нечем. Из приведенных данных вырисовывается определенный образ русского народа, бытующий в умах молодежи: положительное в нем составляют те качества, которые связаны в большей мере с контактами с другими национальностями. Характеристики, способствующие материальному процветанию, занимают второе место, а этические параметры – третье.

Довольно четко определена и иерархия негативных качеств представителей русского народа. На первом месте стоят пьянство и грубость (80,8%), на втором – лень (64,9%), далее следует низкий культурный уровень (51,1%). Со значительным отрывом далее идут отсутствие чувства собственного достоинства (27,5%), и предприимчивости (12,8%).

В процессе собственной национальной самоидентификации большое значение имеет отношение к представителям других народов, являющееся, по мнению ряда психологов, отправной точкой самоопределения любой группы. Отношение «мы – они» может служить индикатором уровня развития самоощущения этноса. Людей, полностью толерантных или умеренно терпимых к так называемым «инородцам», набралось почти 59%, в то время как занимающих противоположную позицию оказалось только 34% (7% вполне ин-

дифферентны в этом вопросе). Одним из примиряющих начал в этом случае оказалась религия как универсальный способ отношения к миру, дающий возможность вхождения в это пространство индивида вне зависимости от его национальной принадлежности. Придерживаясь такой позиции, 76,8% опрошенных указали, что люди разных национальностей могут верить в одного Бога, а, следовательно – находиться в некоем непротиворечивом единстве, нивелирующем этнические рамки.

На наш взгляд, большинство опрошенных в целом не воспринимает национальные проблемы как болезненные, несмотря работу СМИ. Межэтнические конфликты рассматриваются ими только через призму того, задевает ли это их самих и близких им людей. Когда речь в анкете зашла о национальной нетерпимости, 4,3% отметили, что формулировка вопроса описывает надуманную проблему, 40% указали, что это личное дело каждого, 5,6% готовы мириться с беспределом, если это не задевает самих русских. Почти 20% уверены, что есть этносы, которые необходимо третировать, и только 28,7% утверждают, что такие явления для современного общества неприемлемы. Примечательно, что мужчины в этом вопросе оказались более нетерпимыми, нежели девушки: необходимость проявления нетерпимости они отмечают чаще на 6%, а ее неприемлемость признают реже на 10,2% случаев (таб. 4). Думается, что здесь стоит говорить не только о проявлениях бытовой ксенофобии, но и о том, что в оценке окружающего мира у многих молодых людей сегодня доминируют эгоцентрические тенденции, вытесняющие неактуальные для самого индивида вопросы на периферию сознания.

Таблица 4

Отношение молодежи к проявлениям национальной нетерпимости

Table 4

The attitude of the youth towards ethnic intolerance

Как Вы относитесь к оскорблению национальных чувств?	Частота	Процент
Это личное дело каждого	322	40,0
Смотря о какой национальности идет речь	57	7,1
Бывают случаи, когда это необходимо	112	13,9
Нормально, если это не задевает мою национальность	45	5,6
Это неприемлемо	231	28,7
Это надуманная проблема	35	4,3
Всего ответивших на вопрос	802	99,6

Вопрос религиозной принадлежности оказался еще менее значимым, по сравнению с вопросом национальности (данные приведены в таблице 5).

Таблица 5

Отношение молодежи к религии

Table 5

The attitude of the youth towards religion

Вы верующий человек?	Частота	Процент
Считаю себя глубоко верующим, соблюдаю религиозные обряды	59	7,3
Верю в Бога по привычке, по традиции	337	41,9
Испытываю колебания между религиозной верой и неверием	174	21,6
Безразличен к религии и атеизму	50	6,2
Не разделяю веру в Бога, но уважаю чувства верующих	99	12,3
Не разделяю веру в Бога и убеждаю в этом окружающих	13	1,6
Затрудняюсь ответить	72	8,9
Всего ответивших на вопрос	804	99,9

Как глубоко верующими, так и активно неверующими (на наш взгляд, речь идет об одном и том же типе отношения) назвали себя только 7,3% и 1,6% ответивших. Кстати, среди молодых людей убежденных атеистов оказалось больше, чем среди девушек, хотя и ненамного (2,9% против 0,7%). Около 42% осознают, что верят по привычке или потому, что это религия предков. В этом варианте вообще сложно утверждать, идет ли на самом деле речь о вере, либо это выражение бытующих в обществе стереотипов поведения. Еще 21,6% колеблются между верой и неверием, видимо занимая при этом отчасти утилитарную позицию. Почти 20% ни во что не верят, но либо игнорируют этот вопрос (6,2%), либо мирятся с теми, кто имеет другие убеждения (12,3%). Таким образом, число искренне верующих в два раза меньше, чем тех, кто не верит и впредь не собирается этого делать, а безразличных в этом вопросе фактически 63%. Это не означает, что молодежь атеистична по своей сути, скорее в данной возрастной категории обозначенная проблема пока вытесняется у большинства другими, более актуальными.

С одной стороны, у большей части участников опроса имелся шанс для воспроизведения религиозного отношения: почти у 60% являются верующими представители старшего поколения. Учитывая то, что около 14% молодых людей просто не имеют инфор-

мации такого рода, получают достаточно высокие показатели. У почти 80% имеются верующие среди близких родственников (8% затруднились ответить, следовательно, эта цифра может быть еще выше). 62% постоянно контактируют с верующими людьми как с друзьями. Следовательно, можно говорить о наличии религиозной среды и возможности включения туда молодых людей.

То, что только 50% решились реализовать такую возможность, является свидетельством активности выбора своей мировоззренческой позиции, не совпадающей с позицией родителей и окружения. Несколько противоречит этому тот факт, что 43,5% считают, что знакомы с историей церкви, к которой они принадлежат. 47,6% отметили, что знают основные положения учения, которого они придерживаются. Видимо, пассивное отношение к вере в сочетании с подачей информации о православии в ходе изучения истории страны дают повод для такого суждения, тем более, что «быть знакомым» — очень расширительное определение. Хотелось бы также отметить, что в анкете не уточнялось, о какой религии идет речь. Вполне возможно, что часть тех, кто утвердительно ответил на вопрос о своей осведомленности в вопросах веры, принадлежит к так называемым «новым религиям», для которых характерна более высокая интенсивность религиозной жизни.

Нам представляется, что отношение к религиозной практике для части молодежи является либо вопросом культурной конъюнктуры, либо желанием перестраховаться в экзистенциальном плане: количество желающих посетить храм составило почти 60% (это на 10% больше, чем число тех, кто уверен в своей религиозности). Чаще такое желание испытывают женщины (65,8%), нежели мужчины (51,9%). Эта акция, очевидно, должна иметь разовый характер для большей части участников опроса, поскольку только 8% респондентов полагают, что храм необходим для вхождения в религиозное пространство. Для почти 73% участие в коллективной культовой практике не является постоянной потребностью. Видимо отношение к Богу для большинства стало не только сугубо личным вопросом, но и очень узким аспектом индивидуального существования. Молодежь Перми в целом не производит впечатления группы, для которой вера – это феномен, требующий постоянного воспроизводства и трансляции. Только 13,4% готовы давать своему ребенку религиозное образование в воскресной школе, 26,6% еще не решили для себя этот вопрос, а 58,6% не приемлют подобный вид образования для собственных детей.

Одним из показателей приверженности своей вере является ее понимание как противовеса другим учениям такого рода. Среди молодых людей, охваченных анкетированием, 33% отметили, что воспринимают иноверцев очень хорошо. Более 28% считают себя вполне толерантными людьми. 8% заняли почти безразличную позицию в этом вопросе. Более 15% склонны негативно относиться к представителям другой веры, а 18% их просто не приемлют. Как видно, для почти двух третей опрошенных наличие людей, принадлежащих к другой системе верований, не является болезненной проблемой, что, по нашему мнению, вполне нормально для поликонфессионального региона.

Если сравнить с аналогичными данными по представителям других национальностей, то получится, что религиозность окружающих людей для молодежи более безразлична, нежели этничность (хотя, оба показателя в принципе не очень высокие). Среди моло-

дежи разных возрастов 47,3% полагают, что представители одного народа ближе друг другу, нежели единомышленники в вопросах веры. Противоположную позицию заняло 32% опрошенных. Среди реально неприятных вещей вопросы, связанные с национальной принадлежностью (как неальтернативные переменные), затронули в 102% случаев, с религиозными вопросами – 152%. Однако оскорбление своего национального достоинства как проблему указали почти 54%, а своей веры – только 35%. Очень высокие показатели оказались в тех формулировках неприятного, которые связаны не со своей национальностью, а как раз с равноправием разных этносов и религиозных течений. 53,4% возмущены нарушением прав человека в свободе выбора вероисповедания, 49,4% не приемлют неодобрительные высказывания в адрес представителей других религий, 39,3% считают болезненными для себя конфликты в коллективе между людьми разных национальностей. В этом аспекте разными оказались показатели среди респондентов мужского и женского пола. Молодых людей гораздо чаще волнует оскорбление собственных чувств в сфере национальной или религиозной принадлежности, а также отход от традиций. Девушки больше озабочены проявлениями несправедливости в обществе и нарушением прав человека (см. таб. №6).

Неслучайно только треть респондентов полагает, что существуют религиозные течения, которые стоит запретить (приблизительно столько же полагает, что русские должны придерживаться традиционной религии своего народа, то есть православия). Для 30% этот вопрос вообще не оказался достойным ответа, остальные резко против административных мер такого рода. Почти 36% полагают, что плюрализм в религиозной жизни – скорее положительное явление, а 6% уверены, что чем религий больше, тем лучше для общества и его граждан. В той или иной степени отрицательно к нетрадиционным системам веры относится 37% молодежи. Пятая часть оказалась совершенно безучастной в этом вопросе. Следовательно, почти 65% молодых людей, принявших участие в анкетировании, не пугают изменения в религиозной жизни города и страны.

Таблица 6

**Зависимость гендерной принадлежности и возможных
нежелательных социальных отношений** (в % к числу опрошенных каждого пола)

Table 6

*Dependence of gender identity and possible undersiable social relationships
(% of the questioned males and females)*

Для Вас действительно неприятны и являются проблемой...	мужской	женский
Конфликты на работе (учебе) между людьми разных национальностей	33,6	43,6
Неодобрительные высказывания в адрес представителей других религий	37,7	58,2
Ущемление прав человека на возможность верить во что хочется	42,4	61,7
Проживание рядом с соседями разных национальностей	11,4	7,4
Отказ представителей Вашего народа от традиционной религии	17,0	12,2
Оскорбление Вашего национального достоинства	52,0	54,7
Оскорбление Вашей религиозной веры	35,4	34,9
Другое	1,2	0,0
Затрудняюсь ответить	18,1	10,5
Всего	100,0	100,0

Как и в случае с национальной нетерпимостью, данные цифры не являются показателями высокого уровня толерантности, а, скорее, свидетельствуют о неосведомленности в данном вопросе и личной незаинтересованности большинства респондентов.

Проведенное исследование показало, что в процессе самоидентификации современной молодежи, проживающей в большом городе, итоговый результат в значительной мере зависит от того, какой аспект или аспекты идентификации являются достаточно значимыми. По-видимому, соотнесение себя с определенной этнической или конфессиональной группой не является уже столь значимым вектором социального бытия для подрастающего поколения. Вполне возможно, что на этом месте помещаются идентификации с менее крупными группами, которые в обыденной жизни в условиях постоянной смены ситуаций являются более полезными для сферы общественной коммуникации. Примечательно, что невысокую степень важности рассмотренных аспектов идентификации исследователи отмечают и в других возрастных и этнических группах как населения РФ [15], так и других государств [8].

На наш взгляд, соотнесение себя с крупными социальными общностями требует определенного уровня мировоззренческой зрелости и наличия сформировавшихся мотивов для самоопределения такого рода. Молодежь в крупном городе формирует у себя приоритеты и систему ценностей, в которые пока не очень часто помещаются религиозность и этничность. Именно этим объясняется общая индифферентность большинства молодых людей обоего пола в рассматриваемых вопросах. Думается, что даже система мероприятий по развитию гордости за свой народ и культуру не будет эффективной, если ее применение будет обозначено исследуемой возрастной группой. Основной акцент в процессе социального воздействия, по нашему мнению, стоит перенести на более ранний возраст.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 07-01-82101 а/У.

Acknowledgements

The research was conducted with the assistance of RGNF, a grant No. 07-01-82101 a/ Ural.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе: Ставрополье // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 41-47.
2. Арутюнян Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования. 2009. №6. С. 38-44.
3. Васильев В.Г., Мазеин В.О., Мартыненко Н.И. Отношение студенческой молодежи к религии // Социологические исследования. 2000. №1. С. 118-120.
4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
5. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. 764 с.
6. Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология. М., 2000. №12. С. 77-95.
7. Ипатов Л.П. Православная идентичность как персональный портрет // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН. 2006. С. 169-214.
8. Исаев К. Особенности идентичности жителей постсоветского Кыргызстана // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 91-94.
9. Казьмина О.Е. РПЦ и проблемы идентичности, религиозного законодательства и прав человека в современной России // Этнографическое обозрение. №1. URL: <http://www.rodon.org/relig-091029122754> (дата обращения: 18.11.2010)
10. Каргина И.Г. Самоидентификация верующих: социальная мотивация // Социологические исследования. 2004. №4. С. 45-53.
11. Кардинская С.В. Удмурты об этнической идентичности (опыт пилотажного исследования) // Социологические исследования. 2005. №5. С. 100-105.
12. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. №3. С. 124-128.
13. Кобзева Н.А. Особенности религиозности студентов (на примере православия) // Социологические исследования. 2006. №10. С. 143-146.
14. Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. М.: Институт социологии РАН, 2012. 149 с.
15. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77-89.
16. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб., 2008 // URL: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02 (дата обращения: 18.11.2010)
17. Молодежь России: социальное развитие. М.: Наука, 1992. 204 с.
18. Мчедлов М.П. Религиозная идентичность: о новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социологические исследования. 2006. №10. С. 33-40.
19. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. №12. С. 50-55.
20. Российская идентичность в Москве и регионах. Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. 268 с.
21. Русские: этносоциологические исследования. Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, Л.В. Остапенко и др. М.: Наука, 2011. 190 с.

22. Рыжова С.В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 141-168.
23. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45-62.
24. Скриптунова Е.А., Морозов А.А. О предпочтениях городской молодежи // Социологические исследования. 2002. №1. С. 105-110.
25. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример республики Башкортостан. М.: Институт социологии РАН, 2012. 124 с.
26. Телебаев Г.Т. Религиозная идентификация населения и религиозная ситуация в Республике Казахстан // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 101-105.
27. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. 544 с.
28. Убайдуллаева Р.А. Межэтнические отношения в оценках населения Узбекистана // Социологические исследования. 2005. №12. С. 87-94.
29. Ходжаева Е.А., Шумилова Е.А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодежи в Республике Татарстан // Социологические исследования. 2003. №3. С. 106-108.
30. Целищева В.Г. Особенности этнической идентичности молодежи малочисленных народов дальневосточного региона // Социологические исследования. 2007. №1. С. 122-127.
31. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет / Л.М. Дробижина. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
32. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования». М., 2007. 323 с.
33. Cerulo K.A. Identity Construction: New Issues, New Directions // Annual Review of Sociology. Vol. 23 (1997). P. 385-409.
34. Dashefsky A. And the Search Goes on: The Meaning of Religio-Ethnic Identity and Identification // Sociological Analysis. Vol. 33. №4 (Winter, 1972). P. 239-245.
35. Driedger L. Ethnic Self-Identity: A Comparison of Ingroup Evaluation // Sociometry. Vol. 39. №2 (June, 1976). P. 131-141.
36. Howard J.A. Social Psychology of Identities // Annual Review of Sociology. Vol. 26 (2000). P. 367-393.
37. Kinnvall C. Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security // Political Psychology. Vol. 25. №5 (Oct., 2004). P. 741-767.
38. Piller I. Identity Construction in Multilingual Advertising // Language in Society. Vol. 30. №2 (June, 2001). P. 153-186.
39. Rankin D.M. Identities, Interests, and Imports // Political behavior. Vol. 23. №4 (Dec., 2001). P. 351-376.
40. Weigert A.J. The Social Production of Identity: Metateoretical Foundations // The Sociological Quarterly. Vol. 27. №2 (Summer, 1986). P. 165-183.

REFERENCES:

1. Avksentyev V.A. Babkin I.O., Hots A.Yu. Confessional Identity in the Conflict Re-gion: Stavropol Territory // Sociological Researches. 2006. No.10. Pp. 41-47.
2. Arutyunyan Yu.V. About Ethnic Components of the Russian Identity // Sociological researches. 2009. No.6. Pp. 38-44.
3. Vasilyev V.G., Mazein V.O., Martynenko N.I. Position of Student's Youth to Religion // Sociological researches. 2000 . No.1. Pp. 118-120.
4. Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow. Hands. project and edition of L.M. Drobizheva. M.: Russian political encyclopedia, 2013. 485 p.
5. Guboglo M.N. Identity Identification: Ethnosociological Sketches. M., 2003. 764 p.
6. Daudrikh N.I. Social Identity: Methodical Aspect // Sociology. M., 2000. No.12. Pp. 77-95.
7. Ipatova L.P. The Orthodox Identity as a Personal Portrait // Civil, Ethnic and Religious Identity in Modern Russia. M.: Ying t of sociology of the Russian Academy of Sciences. 2006. Pp. 169-214.
8. Isayev K. Features of Identity of Inhabitants of Post-Soviet Kyrgyzstan // Sociological researches. 2009. No.5. Pp. 91-94.
9. Kazmina O.E. The Russian Orthodox Church and Problems of Identity, the Religious Legislation and Human Rights in Modern RUSSIA // The Ethnographic re-view. No.1. URL: <http://www.rodon.org/relig-091029122754> (date of access: November 18, 2010).
10. Kargina I.G. Self-identification of Believers: social motivation // Sociological researches. 2004. No.4. Pp. 45-53.
11. Kardinskaya S.V. Udmurts about Ethnic Identity (experience of flight research) // Sociological researches. 2005. No.5. Pp. 100-105.
12. Karpukhin O.I. The Youth of Russia: the Features of Socialization and Self-determination // Sociological researches. 2000. No.3. Pp. 124-128.
13. Kobzeva N.A. The Features of Religiosity of Students (on the example of Orthodoxy) // Sociological researches. 2006. No.10. Pp. 143-146.
14. 14. Consolidating Identity and the Modernization Resource in Tatarstan. M.: The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2012. 149 p.
15. Kuveneva T.N., Manakov A.G. Formation of Spatial Identity in the Boundary Re-gion // Sociological researches. 2003. No.7. Pp. 77-89.
16. Miklyaeva A.V., Rumyantsev P.V. The Social Identity of the Personality: contents, structure, formation mechanisms. SPb. 2008. URL: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02 (date of access: November 18, 2010).
17. The Youth of Russia: Social Development. M.: Science, 1992. 204 p.
18. Mchedlov M.P. Religious Identity: about new Problems in Inter-civilization Con-tacts // Sociological researches. 2006. No.10. Pp. 33-40.
19. Petrova L.E. Social well-being of the Youth // Sociological researches. 2000. No.12. Pp. 50-55.
20. The Russian Identity in Moscow and Regions. Edition of L.M. Drobizheva. M.: The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; MAX. Press, 2009. 268 p.
21. Russians: Ethnosociological Researches. Yu.V. Arutyunyan, L.M. Drobizheva, L.B. Ostapenko, etc. M.: Science, 2011. 190 p.

22. Ryzhova S.V. About a Ratio of the Orthodox Identity and Civil Consciousness // Civil, ethnic and religious identity in modern Russia. M.: Ying t of sociology of the Russian Academy of Sciences. 2006. Pp. 141-168.
23. Simonova O.A. To Formation of the Sociology of Identity // Sociological magazine. 2008. No.3. Pp. 45-62.
24. Skriptunova E.A. Morozov A.A. About Preferences of the City Youth // Sociological researches. 2002. No.1. Pp. 105-110.
25. A Sociological Answer to an «ethnic question»: the example of the Republic of Bashkortostan. M.: Institut of sociology of the Russian Academy of Sciences, 2012. 124 p.
26. Telebayev G.T. The Religious Identification of the Population and Religious Situation in the Republic of Kazakhstan // Sociological researches. 2003. No.3. Pp. 101-105.
27. Tishkov V.A. Requiem for Ethnos: Researches on Welfare Anthropology. M., 2003. 544 p.
28. Ubaydullayeva R.A. The Interethnic Relations in the Estimates of the Population of Uzbekistan // Sociological researches. 2005. No.12. Pp. 87-94.
29. Hodzhayeva E.A., Shumilova E.A. Revival of Religion and Ethnic Identity of the Tatar Youth in the Republic of Tatarstan // Sociological researches. 2003. No.3. Pp. 106-108.
30. Tselishcheva V.G. The Features of Ethnic Identity of the Youth of the Small People of the Far East Region // Sociological researches. 2007. No.1. Pp. 122-127.
31. Ethnicity in the Socio-political Space of the Russian Federation. Experience of 20 years / L.M. Drobizheva. M.: New chronograph, 2013. 336 p.
32. Yadov V.A. The Strategy of Sociological Research. M., 2007. 323 p.
33. Cerulo K.A. Identity Construction: New Issues, New Directions // Annual Review of Sociology. Vol. 23 (1997). Pp. 385-409.
34. Dashefsky A. And the Search Goes on: The Meaning of Religio-Ethnic Identity and Identification // Sociological Analysis. Vol. 33. №4 (Winter, 1972). Pp. 239-245.
35. Driedger L. Ethnic Self-Identity: A Comparison of Ingroup Evaluation // Sociometry. Vol. 39. №2 (June, 1976). Pp. 131-141.
36. Howard J.A. Social Psychology of Identities // Annual Review of Sociology. Vol. 26 (2000). Pp. 367-393.
37. Kinvall C. Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security // Political Psychology. Vol. 25. №5 (Oct., 2004). Pp. 741-767.
38. Piller I. Identity Construction in Multilingual Advertising // Language in Society. Vol. 30. №2 (June, 2001). Pp. 153-186.
39. Rankin D.M. Identities, Interests, and Imports // Political behavior. Vol. 23. №4 (Dec., 2001). Pp. 351-376.
40. Weigert A.J. The Social Production of Identity: Metateoretical Foundations // The Sociological Quarterly. Vol. 27. №2 (Summer, 1986). Pp. 165-183.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 331.101.3

Krincyna Z.V.

DIAGNOSING THE PROBLEMS ASSOCIATED WITH STAFF MOTIVATION

Krincyna Zoya Vasilievna*PhD in Technical Sciences, Associate Professor*

National Research Tomsk Polytechnic University; 30 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia

E-mail: zoya.tpu@gmail.com

АБСТРАКТ

The article covers the problems associated with staff motivation. The study with the method of survey allows to determine the quantitative level of motivation of the personnel in the organization through a motivating potential score, as well as to conduct a factor analysis of motivation using the method of J.R. Hackman and R. Oldham. The comparison of the estimated parameters of importance, autonomy, diversity, completeness and feedback of the work with the base values enabled to identify the major problems of low staff motivation. It is shown that the low level of feedback and the importance of the work affect the psychological climate in the organization and reduces the level of trust demonstrated by employees towards management.

Keywords: work motivation; motivational potential; the level of activation by job; impact indicator to work; degree of workers' knowledge to perform work; growth need strength; work conditions satisfaction; motivating potential score; work attitude.

Креницына З.В.

ДИАГНОСТИКА ПРОБЛЕМ МОТИВАЦИИ РАБОТОЙ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ

Креницына Зоя Васильевна, доцент, кандидат технических наук, доцент

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Национальный исследовательский Томский политехнический университет»,

проспект Ленина, д. 30, г. Томск, 634050, Россия; *E-mail: zoya.tpu@gmail.com*

Аннотация

Статья посвящена проблеме мотивации работой персонала. Проведенное исследование методом анкетирования позволяет количественно определить уровень мотивации персонала в организации через мотивационный потенциальный балл, а также провести факторный анализ мотивации с использованием методики Дж. Р. Хакмана и Г. Р. Олдхэма. На основе сравнения расчетных параметров важности, автономности, разнообразия, законченности и обратной связи работы с нормативными значениями выявлены основные проблемы низкого уровня мотивации работой персонала в организации. Показано, что низкий уровень обратной связи и значимости работы ухудшает психологический климат в организации, снижает уровень доверия работников к руководству.

Ключевые слова: мотивация работой; мотивационный потенциал; уровень активации работой; показатель воздействия на работу; степень владения работой; удовлетворенность условиями труда; потребности роста; отношение к работе.

INTRODUCTION

Motivation of staff is the principal means of ensuring optimal use of human resources, the mobilization of existing personnel. The main objective of the process of motivation is getting the most from the use of human resources available, which improves the efficiency of the enterprise activity.

MAIN PART

The aim of this study was to identify the main problems of nonmaterial motivation of staff in the organization and identify the ways to address them.

The object of the study was the public utility company "Teplovodoservis". The study was conducted using the method of survey. The scientific basis of the survey was the method developed in 2004 by I. P. Ponomarev in his study "Work engagement in an organization" [1]. It is an adapted and expanded method of the diagnostic analysis based on "Job characteristic theory" by Greg R. Oldham and J. Richard Hackman [2].

The survey was attended by 50 people. The necessary representativeness of the sample was provided by means of different demographic characteristics of the respondents, as well as the inclusion of workers and specialists, representatives of the main part of the company into the group.

The survey included five blocks of questions.

The first block was called "**The work contents**" and was intended to identify the perception of job contents factors by the employee.

The second block is "**Working conditions**", it was aimed at identifying the dissatisfaction of employee working conditions.

The third block was called "**Job selection**". This survey was intended to identify and assess

the needs of the growth of the employee. Employees were asked to choose one of two jobs based on its quality characteristic using a five-point grading system.

The fourth block was called "**General information**". It was intended to collect some data on workers, that was sociodemographic and professional information: gender, age, education, occupation, experience in the organization and work experience at this position.

The fifth block "**Your attitude towards your job**" was offered to employees to mark the most appropriate response that reflects the attitude towards the work in general, the work as an activity, and the work specific to an organization.

The definition of average motivation criteria

An average score was calculated on the basis of the survey points. This score was used as the basis for the factor analysis of motivation using the following formulas (Table 1).

1. Motivating potential score (MPS).

When a job has a high score on the five core characteristic, it is likely to generate three psychological states, which can lead to positive work outcomes, such as high internal work motivation, high satisfaction with the work, high quality work performance, and low absenteeism and turnover. This tendency for high levels of job characteristics to lead to positive outcomes can be formulated by the motivating potential score (MPS). Hackman and Oldham explained that the MPS is an index of the "degree to which a job has an overall high standing on the person's degree of motivation...and, therefore, is likely to prompt favorable personal and work outcomes" [4]. MPS is calculated using five core dimensions: **skill variety, task identity, task significance, autonomy, job feedback**, as follows:

$$MPS = \frac{\text{Skill Variety} + \text{Task Identity} + \text{Task Significance}}{3} \times \text{Autonomy} \times \text{Feedback}$$

When present, those five core dimensions will lead to **three psychological states**:

a) *The level of activation by job (LAJ)* shows how the work affects an employee, causing the need to act, to make decisions, to be «generally worthwhile, valuable or important by some system of values he or she finds acceptable.» [3] Using the five characteristics: **complexity,**

surprise, novelty, uncertainty and conflict, we can measure the level of activation by job. The first measures the ability of the employee to perform the work, the second and the third is his/ her willingness to implement it, and the fourth and the fifth are the position of the employee or his/ her personal contribution to the work.

$$LAJ = Complexity \times \frac{Novelty + Surprise}{2} \times \frac{Uncertainty + Conflict}{2}$$

b) *Job impact indicator (JII)* is to indicate how the employee works closely with the job, adapted to the work or influence the content of the work, where a worker is accountable for the results of the work done. We can measure a Job

impact indicator (JII) by the following characteristics: **Goal acceptance, workflow improvement, learning during work, satisfaction with the result (wtr), motivation by the result (btr).**

$$JIL = Goal\ acceptance \times \frac{Workflow\ improvement + Learning\ during\ work}{2} \times \frac{Satisfaction\ wtr + Motivation\ btr}{2}$$

c) *Degree of workers' knowledge to perform work (DWK)* – shows the ability of employee to perform his/ her job and achieve the desired result. The DWK involves: **mastering work**

making process, troubleshooting, performance easiness and mastering the **beginning and ending of the work.**

$$DWK = \frac{Mastering\ beginning + Mastering\ process + Mastering\ ending}{3} \times Troubleshooting \times Performance\ easiness$$

2. Determining the conditions contributing to the motivation of the work

a. **Work conditions satisfaction (WCF):** this criteria is based on the assumption that the employee's work conditions satisfaction consists of three relatively independent components – the states of satisfaction.

$$WCF = \frac{Workspace\ conditions + Salary\ level}{2} \times \frac{Managing\ style + Active\ rules}{2} \times \frac{Workspace\ climate + Equipment\ status}{2}$$

- Proactive behavior – finding opportunities during work and action independence
- Skills implementation – developing skills and using abilities at work

– **Work satisfaction** – workspace conditions and salary.

– **Management satisfaction** – managing style and active rule.

– **Environment satisfaction** – workspace climate and equipment status.

- Challenge acceptance – process of aiming focus on the important decisions and the choice of the competitive environment (COE)

$$GNS = \frac{Finding\ opportunities + Action\ independence}{2} \times \frac{Developing\ skills + Using\ abilities}{2} \times \frac{Decision\ making + COE}{2}$$

b. **Work attitude (WA):** this index calculation is based on three independent employee's work relations and attitudes: actions, activities, specific job status.

$WA = Work\ activities\ attitude \times Work\ process\ attitude \times Specific\ job\ attitude$

To calculate *the values of the factors of the motivation* we will use formulas and previously calculated averages. The results are shown in Table 1:

Factor of the motivation	Value
Motivating potential score (MPS)	102,9
The level of activation by job (LAJ)	56,3
Job impact indicator (JII)	133,0
Degree of workers' knowledge to perform work (DWK)	94,1
Work conditions satisfaction (WCF)	89,8
Growth Need Strength (GNS)	73,3
Work attitude (WA)	80,2

The comparison of obtained results with normative and analysis of results

The overall results of the study of the effect of employment on the employee's motivation has shown that workers have a low level of work engagement.

First of all we can note the low value of the MPS in comparison with the one recommended by Greg R. Oldham and J. Richard Hackman. In the rate tables, the value of this indicator for professionals (nonmanaging staff) is 150 points.

The moderate motivating potential score (MPS) of work is 102,9. It shows that the staff demonstrates a lack of interest in job contents and has a low work motivation. The value of this score can also be explained by the workflow design at the enterprise connected with a high level of specialization and the absence of visible and measurable results.

- The degree of diversity of the work (5,01) indicates the use of employee knowledge and skills, but could use more variety

- Feedback about the results of their work (5,08) doesn't have a very high value, the employee may evaluate the result, but the quality of information can be improved.

- Feeling the importance of one's work (4,75) is close to the desired level, but the employee does not clearly understand the impact his work has on other people.

- The measure of autonomy in the work (4,95) shows a lack of independence in the work, the worker lacks the feeling of personal responsibility for the result.

- Low level of activation by job (LAJ) (56,34) shows that its content is quite simple, with clear goals, does not require initiative on the part of the employee. Employees, in their turn, are not accustomed to the fact that the work causes them to act, to make decisions:

- the level of novelty in the work (3,95) suggests that job content should be updated period-

ically and indicates the need to adapt changes;

- the degree of uncertainty in the work (2,95) is more characterized as regulated, where the employee rarely have to resolve uncertainty;

- the level of conflict in the work (2,58) shows that the role of the employee for performing work is performed without contradictions and doubts in the correctness of the execution;

- perception of the complexity of the work (4,30) suggests that the work is rather complicated, requires preparation and attention on the part of the employee;

- the level of surprise in the work (5,51) characterizes the work as less likely to be plannable, with a high degree of probability of the unforeseen events and disasters, mainly accidents on production.

- The low level of Job impact indicator (JII) (133,0) shows the evidence that the work at "Teplovodoservis" and its content is inherently not influenced by any employee. There are no significant changes in job content and the weak development of the skills of the employee in the process of doing the work is present. You can note the predominance of purely functional approach –the degree of acceptability of the target (5,09) shows that the objectives of the work does not meet the personal goals of the employee and do not meet all requirements;

- score improvements (5,36) characterize the ability of the employee to influence the process of the work and its content;

- the index of the instruction in progress (5,63) shows the interest of the employee to work and the development of an employee during his career progression;

- the degree of satisfaction from the results (5,51) shows the involvement of the employee in the work, expression of interest, the presence of positive reaction to the result;

- setting new goals after achieving results (4,01) characterizes the work as the part of the

overall work, but the work is not meant to be something greater.

- The low level of degree of workers' knowledge to perform work (DWK) (94,08) indicates the lack of ability to perform work efficiently, on time and with minimum effort, to get the planned result. When the person is employed he/ she never learns the rules, techniques, ways of doing the work and overcome possible obstacles and challenges:

- the degree of ownership begin (5,71) is at a high level, which indicates the attention of workers to the preliminary stage of the work;

- the indicator of ownership of the work (5,13) shows the ability of the employee to do their job, and ensure the process of its implementation;

- the degree of bringing the work to the (5,79) shows that workers, most of them, work for the result;

- but at the same time the indicator of solved during work process problems (3,41) characterizes workers as being able to cope with only a small and moderate problems in their work;

- the degree of ease of performance (4,98) shows that the process of executing the work to the worker seems rather easy and does not cause great difficulties.

- Speaking of motivation by job contents, you can imagine the picture of the interaction of the worker and work at "Teplovodoservis": the average employee of a modern business organization values not enough the perception of the motivational potential of their work. Work, in turn, does not require the employee manifestations of the activity and initiative. The situation is complemented by minor changes in the content of work by an employee, weak adaptability to work process and low possession of the work, the ability to obtain the result.

We consider the value of indicators of conditions next. For a complete presentation of the motivation for the work it is necessary to emphasize the importance of factors that reveal the satisfaction of the employee's conditions of employment, demand growth, level of education and attitude to work.

- Work conditions satisfaction (WCF) is at a very low (89,81) level and indicates the operating conditions of the sources of dissatisfaction, which could have a negative impact on the perception of the content:

- satisfaction with the immediate work environment –satisfaction with the level of salary, or

4.31 –satisfaction with rules and regulations in organization –satisfaction with leadership style –satisfaction with the relations between people in the organization –satisfaction with the status and capabilities of the equipment or 4.31 shows that the equipment makes the work of some dissatisfaction, which does not contribute to the perception of the content.

- Growth Need Strength (GNS) (70,49) at the base rate of 94,00 is not well formed. A low value indicates that the majority of workers remain relevant to the needs of existence and social needs. Perhaps there is also an organisational reason for the lack of implementation mechanisms and the needs of the growth are met of the employee directly in the process that prevents the development of this need:

- workers prefer to work for a good income, as they prefer opportunities to show creativity and initiative 2.80. Work is still considered just as a source of income. Creativity and initiative at work do not allow to improve the process of its execution, and if it is allowed to get the best result, the employee has no support from the leadership of the organization and this is not reflected in the salary.

- workers refuse to make important decisions in favor of working in a large team of nice people –workers have preferred to do their work than showing loyalty for more independence –workers have preferred the chance to have more free time and benefits than to develop skills and to advance in the organization –workers prefer to work on a very good team work, allowing you to use the skills and abilities to the full 3.4. With this choice, the employee does not see the implementation of their knowledge and skills ability to meet their needs, and work in very good team seems to him more attractive to meet the needs of communication;

- workers refused to create a challenging environment and clearly preferred the close interaction with other employees –Work attitude (WA) –general perception of the work showed that main motivation for an employee of "Teplovodoservis" is, not surprisingly, monetary gain (though that this need is satisfied the least). For 21% of employees the job is the opportunity to spend time in the team, to 16% –47% of workers are identifying themselves by the means of a specific task (4,25) performed by the organization, and almost as many workers express only a formal interest in the content of their work and, if possible, would find a more interesting job.

The general conclusion related to the workers and working conditions is the following: the average employee of "Teplovodoservis" is experiencing some dissatisfaction with the working conditions and do not perceive himself as a source of product and existence of the organization; the employee

perceives the work as a means to satisfy their needs of existence and communication, formed attitude, level of education of respondents is not sufficient to change this situation. Generalized image comparing the factors of motivation with the rules of R. Hackman are present on figure 1.

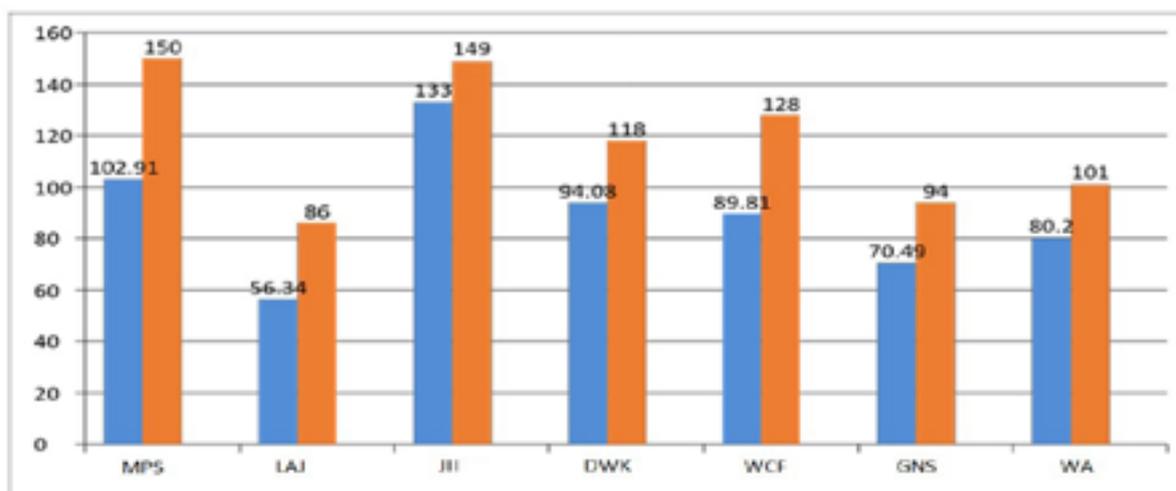

Figure 1. Comparison of motivational factors with the rules of R. Hackman Note: red colored bars denotes standards of performance

Work in an organization has a low **motivating potential score (MPS)** (102,9) and requires changes in the content to create a motivating work environment. The **level of activation by job (LAJ)** (56,34) was low, showing that the work has a certain character and does not require extra efforts of employees, initiatives or significant personal contribution to the work. **Job impact indicator (JII)** (133,0) shows that the employee has no significant influence to affect the work and its content, though the work at "Teplovodoservis" is strictly regulated. The degree of **workers' knowledge to perform work (DWK)** (94,08) is quite low and indicates that the employee lacks the skills to do the job, resulting as a lack of confidence. Low values of indicators of work moti-

vation can be explained by the conditions under which the work is performed, and the characteristics of workers. Sources of employee **dissatisfaction with work conditions (WCF)** (89,81) may explain the weak attention and interest to the content of the work. Low demand for **growth need strength (GNS)** (70,49) shows that it is not formed or is not updated in the work that speaks to the lack of mechanisms for its implementation in the work and may be a cause of low motivation. **Work attitude (WA)** (80,22) shows that work is primarily stimulated lesson for making money, despite the fact that this leading demand has been satisfied less than all the others.

Let us calculate the deviation from the base values chosen by R. Hakman (Table 2).

Table 2

Target and actual values of the components of the MPS

Factors	Base value	Current value	Deviation %
MPS	150	102,9	31,4
Feedback	5,1	4,2	17,6
Task significance	5,6	4,75	15,2
Autonomy	5,4	4,95	8,3
Skill variety	5,4	5,01	7,2
Completion	5,1	5,08	0,4

Feedback (deviation 17.6 %) – high deviation from the base value of R. Hakman, it shows the extent to which the actions required to perform the work, do not provide the contractor's direct and clear information about the results of its work and the effectiveness of its efforts.

Task significance (deviation 15.2 %) – shows the extent to which the work is done and the result is not sufficiently affecting the lives and actions of other people.

The problems mainly consist of bad feedback (few subordinates communicate with the head and have little impact on the resulting changes) and low

importance (there is no awareness that this work by any means affects something related, and so on)

Autonomy in work (deviation of 8.3 %) – indicates insufficient means to provide the necessary freedom, independence and the right of the contractor to plan their work and to choose the methods used in its implementation.

Skill variety (deviation of 7.2 %) – lack of variety of activities to perform the work using the employee different skills and talents.

Completeness (deviation of 0.4 %) – minimum deviation, shows how the doer sees the perfection of the job.

Table 3

Indicators of Motivating potential score (MPS) and identified problems of staff motivation

Indicator	Definition	Issue
Feedback	information that an employee has about their effectiveness	Lack of awareness among staff about the process of work performed
Task significance	the impact the job has on other people (within the organization or in the wider environment)	The work performed by the employee is not perceived as significant
Autonomy	the degree to which employees have the freedom and the right to plan, define, schedule and execute the work at its discretion	Lack of independence at work
Skill variety	the performance of professional tasks based on different abilities of the employee	Lack of independence in the work
Completion	the ability to perform the work from the beginning to an end	Lack of work completed from beginning to an end

This study showed that the company has the following problems:

1. Weak feedback (informing staff). There are many types of feedback that are available to staff, and the work should be organized so as to give the worker as much feedback types as possible. Feedback can be given to consumers by direct leaders. Feedback can be provided by the work process itself if it uses a variety of indicators (for example, labour productivity level gaps and so on). The greater the number of feedback channels are involved, the more accurate the representation will be given to employees about how they work, and the higher their motivation will be to achieve the required performance and to improve their work.

2. Low Task significance. Poor awareness of workers about how you work and what is happening in the organization, about the

prospect of solving the major problems affecting their interests not only affects the psychological climate in the organization, reduces the level of confidence caused by leaders, but it also negatively affects the motivation of staff. Informing employees on a wide range of industrial and social issues associated with working in the enterprise is an effective tool for improving their job satisfaction and interest in the final results as well as the formation of a sense of ownership connected with the affairs of the organization.

These are the management tools that have a decisive influence on the motivation and loyalty of employees, and on the future of the enterprise consequently. At first glance they are simple and logical, they still require manual special training in the field of motivation of the staff though.

REFERENCES:

1. Alderfer C.P. *Existence, Relatedness, and Growth*. 1972. New York: Free Press.
2. Bagirova I.H. Personnel motivation in the times of a crisis // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. №4. Pp. 8388.
3. Fataurochman. *The Job Characteristics Theory: A Review*. 1997. *Buletin Psikologi*. V 2. December, 1997. Pp. 113.
4. Griffin R.W. *Objective and social sources of information in task redesign: A field experiment*. 1983. *Administrative Science Quarterly*, 28: 184200.
5. Frank L.L., Hackman J.R. *A failure of job enrichment: The case of the change that wasn't*. 1975. *Journal of Applied Behavioral Science*, 11: 413436.
6. Fried Y., Ferris, G.R. *The validity of the job characteristics model: A review and meta-analysis*. 1987. *Personnel Psychology*, 40: 287322.
7. Hackman J.R. *Effects of task characteristics on group products*. 1968. *Journal of Experimental Social Psychology*, 4: 162187.
8. Hackman J.R., Oldham G.R. *Development of the Job Diagnostic Survey 1975*. *Journal of Applied Psychology*, 60: 159170.
9. Hackman J.R., Oldham G.R. *How job characteristics theory happened*. 2005. *The Oxford handbook of management theory: The process of theory development*. Pp. 151170.
10. Kulik C.T., Oldham G.R., Hackman, J.R. *Work design as an Approach to Person-Environment fit*. 1987. *Journal of Vocational Behaviour*, 31, 278296.
11. Men'shikova E.V., Krinicyna Z.V. Improving the system of personnel motivation using the example of oil industry // *Vestnik nauki Sibiri : jelektronnyj nauchnyj zhurnal / Tomskij politehnikeskij universitet (TPU)*. 2014. № 1 (11). S.5256. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/902/627> (date of access: 2015.01.30)
12. Ponomarev I. *Work engagement in an organization*. M.: Editorial URSS, 2004. 224 p.

УДК 378.4(476):[338+316.3]

*Novikova I.V.***BUSINESS EDUCATION AS THE
ENGINE OF SOCIOECONOMIC
CHANGE IN FORMER SOVIET
COUNTRIES: THE BELARUSIAN CASE****Novikova Irina Vasilevna**

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief of the Department of Economics
The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus
17 Moskovskaya St., 220007, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: novikova@pac.by

АБСТРАКТ

The article is devoted to some new areas of business education in the Republic of Belarus whose emergence is a reaction to demand of the national economy in the course of social and economic development of the country at the beginning of the XXIst century. Opening of specialties of the second level of higher education (magistracy) is a result of the scientific researches carried out in the Academy of Management under the aegis of the President of the Republic of Belarus in 2009-2014.

Keywords: globalization; geoeconomics; managers; business education; private public partnership; financial markets and institutes; corporate management.

*Новикова И.В.***БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЕ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСЛОВИЙ ДЛЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ: НА ПРИМЕРЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Новикова Ирина Васильевна, доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Московская 17, Минск, 220007, Республика Беларусь
E-mail: novikova@pac.by

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена новым направлениям бизнес-образования в Республике Беларусь, появление которых является реакцией на запрос национальной экономики в процессе социально-экономического развития страны в начале XXI века. Открытие специальностей второй ступени высшего образования (магистратуры) – это итог проведенных научных исследований, осуществленных в Академии управления при Президенте Республики Беларусь в 2009-2014 годах.

Ключевые слова: глобализация; геоэкономика; менеджеры; бизнес-образование; Государственно-частное партнерство; финансовые рынки и институты; корпоративное управление.

Introduction

The world is currently undergoing the process of transformation from industrial to postindustrial economy which is characterized by totally different principles of the organization of production. Some countries have already finished the transition whilst some are still in the middle of it. One of the main characteristics of the new economy is the formation of the unitary geo-economic system which is growing out of globalization processes.

Globalisation draws the world economy that has recently been viewed as the web of national economic connected by the system of international division of labour as well as bilateral and multilateral economic and political relations, into the market economy. This process leads to the transformation of some of the parts of national economies into *external economies* through MNCs, regional groupings, specific economic and border zones, bilateral free trade agreements, cross-network clusters, etc. These parts then get separated from national economies and become closely intertwined as the elements of *geo-economy*. In the future these processes will lead to the creation of a unified world network economy and its infrastructure which key elements will be not the national economies but the very segments that having separated from them will form the world network economy, i.e. MNCs, transnational banks, insurance companies and all those elements that will service the world reproductive process regardless of the country of origin (the world financial, logistical, information system, etc.). It will be extremely hard for the majority of countries to 'break in' and fit in the new system as did the countries that followed the 'catching up' liberal model in the 1960s-1980s (e.g., South Korea and the countries of South-East Asia) [1].

These are the macroeconomic conditions under which the countries that have recently been state-controlled and, consequently, had no market institutions, or the experience of market relations, started their economic transformations. As the result, these economies have to solve two major problems:

1. restructure their national economies to create modern market relationships which match the processes occurring in the world economy and learn how to work under these conditions;
2. enter the world *geo-economic* space, i.e. participate in the processes of globalization and the formation of geo-economy.

The attempt to solve these problems has caused a tectonic shift in these economies. The social and economic transformations that have started in the countries of the former Soviet Union and Central and Eastern Europe affected major population groups. The 1990s evidenced a dramatic economic decline, subsiding living standards followed by a demographic fall. Slowly and gradually most of these countries have started the transformation of property relations and their social and economic structure.

These transformations, in turn, required specialists who could implement the changes in real life. Thus, one of the derivatives of socio-economic transition was the need to train such specialists, particularly managers in new, earlier unknown economic specialties. It were them who were to implement the transformations and manage new economic entities such as insurance, financial, leasing companies, investment funds, ventures and so on.

The 'first wave' of existing specialists from former Soviet republics was retrained in the 1990s by the World Bank, IMF, USIA, USIS, USAID, TACIS, TAEX, IREX, Fulbright programs, etc. The universities began altering the system of training at the Bachelor's level, started training of middle and senior managers, PR managers, marketing managers, etc., retrained/trained new entrepreneurs, mostly those who had received a university degree (technical, medical, biological, etc.). At the same time most of the transformations that took place in the former Soviet Union were inconsistent and the newly established economic structures did not show considerable interest in the newly trained cadres.

The dynamics of economic indicators and tertiary education Belarus

At the start of economic restructuring in 1991 Belarus was known as the USSR 'assembly line'. At the time it was a country with a well-established agricultural and industrial base and a good system of secondary, tertiary, postgraduate and doctorate training. The transformational processes in the national economy introduced new requirements to graduates, particularly the ability to work in the managerial capacity.

In 2012 there were 54 tertiary educational establishments in Belarus with the total number of students reaching 428.4 thousand people (453 students per 10000 people). Approximately 39 percent of university graduates in 2002-2012

were trained in Communications, Law and Economics or Management, Economics and Production (14-16 thousand graduates per year) [2]. A large share of these specialists in the structure of graduates was determined by changes in the structure of Belarusian GDP which required new kinds of specialists, particularly managers. While the ratio between the production and services sectors in Belarus in 2000 was 48.6 and 38 percent, by 2012 it changed to 47.2 and 42.5 percent respectively. The observed period was characterized by an intensive growth of employment in construction, trade, transport and communications, financial services, real estate, individual services to population, including communal and social services. The total change comprised 8.4 percent (from 33.2 percent in 2002 to 41.6 percent in 2012). At the same time, the share of employment in industry and agriculture in the total employment fell quite significantly, from 28.1 to 25.6 percent and from 15.2 to 10 percent respectively [2]. The distribution of employment between the state and private sectors also changed. The employment in the state sector fell almost by a quarter (24.1 percent) while the state sector expanded by more than a third: the growth comprised 34.6 percent [2].

The analysis of the distribution of organisations by the field of economic activity in 2011-2013 showed the 11.9 increase in the total number of companies. Of these, growth in construction equaled 13 percent, in trade – 9.2 percent, in transport and communication – 25.3 percent, in financial services – 17.3 percent, in real estate, renting and individual services to population – 25.3 percent, in communal and social services to population – 9.2 percent [2].

The distributional structure by the type of legal entity also changed. Out of the total 11.9 percent increase in legal entities, the number of commercial organisations grew by 12.9 percent and joint stock companies – by 4.7 percent (the number of open joint stock companies grew by 5.9 percent and the number of closed joint stock companies – by 3.2 percent). The newly created corporate structures need specialists in corporate governance. However, corporate structures in Belarus did not realize this need straight away which led to them experiencing an avalanche of management-related issues. The worst problems occurred when the entities tried operating at foreign markets and in 'conjunction' with foreign corporations. One of the recent examples is

the creation of the Belarusian Potassium Company (BPC) as on the basis of the merger of the Belarusian company 'Belkalii'¹ and the Russian company 'Uralkalii'². With the control of over 40 percent of the world potassium market, BPC was indeed one of the biggest players in the industry. Due to the incompetence of its management, BPC brought down the world potassium market in 2013. As the enterprise was one of the biggest Belarusian corporate taxpayers, its collapse created a hole in the country's budget that has not yet «been plucked». The main legal form private companies in Belarus take is the limited liability company. It is the very type of legal entity that the small business in Belarus prefers; for a limited liability company the competence of managers is crucial. The number of limited liability companies has grown by a record 31.2 percent in 2011-2013 [2]. Thus, the dynamics of GDP, total, occupational and sectoral employment, as well as the shifts in the distribution of entities by economic activity and by the legal form show the urgent need for change both in the structure and in the quality of training of specialists at the tertiary (university level).

The changes have to be introduced not only into the curriculum and syllabus of new specialties. The established programs that have been taught for quite some time by Belarusian business schools have to be amended, particularly in terms of the weighting of the subjects that are taught in order to form the program that provides future managers with the best skill set. But the most complicated task is opening new post-graduate specialties; particularly at the Masters level since those who graduate at this level will mostly be employed at relatively high-powered managerial positions.

The complexity of the task of creating effective Masters programs is not only in the development of new curriculums. The main problems Belarusian business schools face are the lack of highly qualified academic staff capable of teaching new specialties; the lack of the teaching methodologies for the new specialties; and the lack of motivation of the academic staff (universities in Belarus practice the leveling method which does not encourage innovative thinking and development of new modules). The number of doctoral students (the main cadre reserve for univer-

¹ Belarusian Potassium.

² Ural Potassium.

sities) fell by 25.4 percent in 2001-2012 and so did the completions (-27.1 percent). The number of research organisations that have doctoral (adjunct) programs fell by 2.8 percent and the number of doctoral students (adjuncts) in these organisations fell by 27.3 percent. The number of admissions in these organisations fell by 51 percent, the level of completions decreased by 43 percent; in particular, the number of doctoral students at economics and management-related specialties fell by 15.8 percent [2].

Low wages of the academic staff is another demotivating factor. The statistics shows that the average nominal monthly wage in education was only 75.6 percent of the average nominal monthly wage in the economy while the wages in financial services were 166.1 percent and in the real estate, rent and personal services to population – 117 percent of the national average. The obvious result of such mismatch is the flow of the best potential cadres from education to better paying sectors. Another source of drainage is increasing migration to neighboring countries (Russia, Poland) which offer better salaries to academics.

Another impediment is the currently used system of awarding doctorate degrees which was inherited from the Soviet Union. Belarus still has the Higher Attestation Committee – an obsolete structure that has the power to cancel (or not confirm) any doctoral (or honorable doctoral) degree awarded by universities or research organisations. The viva procedure is cumbersome, highly bureaucratic and takes a very long time. As the result, young prominent specialists prefer working in industry or opening their own businesses to joining doctoral programs, which leaves the education starving for people.

However, regardless of these hardships, Belarusian business schools by the end of the 2000s managed to employ some West-trained lecturers and professors; some countries developed summer schools for re-training lecturers in management-related subjects. These would then teach undergraduate students.

Training managers for new economy – the experience of the Academy of Public Administration under the Aegis of President of the Republic of Belarus

One of the key needs for every country which wants to 'fit' into a forming geo-economic structure is to form a new generation of managers and government officials who will be able to conduct

the economic transformations and support the structural changes in the economy aimed at increasing its competitiveness at global markets. They must be able to transform the existing system of government economic regulation that was formed in the country during the 20th century under the conditions of the industrial era. Now as the era is changing, so should the regulatory model. One of the major elements of this shift is the establishment of the state-private partnership.

Economic theory defined state-private partnership as the institution which includes a set of formal and informal rules under which the cooperative activities of the state and private business are conducted. It assumes the state and the business being equal parties who realize their own interest for the society's common good. The public-private partnership includes a wide variety of business models and relationships. In the most general understanding the term is used every time business resources are used to satisfy the common needs. The resources may vary from capital to know-how and managerial experience. Each state has its own definition of common needs. These may include anything the state needs – parks, roads, and even such, in fact, economic sectors as health services, energy, communication or real estate. The main goal of the state-private partnership is to attract the resources of business into infrastructure development projects and the improvement of the quality of services. In case of Belarus it is also the development of innovative economy which is considered one of the main factors of maintaining the sustainable economy in the country. The nature of the state-private partnership involves redistribution of responsibilities and risks in the development of the sectors which have traditionally been considered the state zone of responsibility – the infrastructure, science and innovations.

Some elements of the state-private partnership are currently being studied in the course of more general educational programs within the system of retraining and qualification enhancement of the civil servants. The Academy of Public Administration under the Aegis of President of the Republic of Belarus bears the major load as the leading educational establishment in the system of re-training and qualification enhancement of civil servants.

Up until 2011 the public-private partnership was not considered a recommended subject for

training within this system, no independent educational programs or re-training courses existed. In 2011 the Academy opened a new specialty 'Management of investment projects within the public-private partnership' which was aimed primarily at training the specialists who possess fundamental knowledge of the public-private partnership, critically analyze information and be capable of developing new knowledge that will help to make crucial investment-related management decisions. The new task the Academy set was to bring up a new generation of civil servants who understand the nature of the public-private partnership and can manage investment resources within its business models.

The curriculum of the 'Management of investment projects within the public-private partnership' program is a Masters level program that includes the following major modules:

- public-private partnership in the national economic system;
- management of investment projects;
- forms and mechanisms of the implementation of the public-private partnership;
- the legal basis of the state-private partnership and fighting corruption;
- the economics of development;
- strategic management;
- organizational development and change management;
- business estimation and asset management;
- situational analysis and modeling of management decisions;
- macroeconomic analysis and the state of the financial market in the Republic of Belarus.

The students submit three courseworks and defend a Masters dissertation in the course of study.

This training program does not have close analogues in the country. Based on traditional programs in state-private partnership from leading world universities, the program offers the students extensive analysis of foreign business by the means of case-study analysis, discussions, workshops, business games, analytical project seminars and other interactive forms of study.

Since Belarus has a significant deficit of knowledge of the state-private partnership, the specialists capable of managing investment resources are supposed to be in demand in every sector of the national economy. The program was opened to match the new Law on the Public-Private Partnership that was supposed to be passed by the Parliament in 2012. But in this particular

case the road to Hell was indeed paved with good intentions. The law has not been passed yet, it is planned that it will finally be passed in 2014, though the Investment Code of the Republic of Belarus has the article "on Concession" which is one of the forms of the state-private partnership, so in theory some graduates could have, in theory, found the jobs even now.

Another problem for the program is the underdevelopment of Belarusian financial market. As it was mentioned earlier, the world economy is experiencing significant transformations. Some of the most important changes take place in the financial markets, both globally and regionally. Increased openness of Belarusian economy and its growing integration into the world economy determines an increasingly important role of the financial infrastructure. The change of the technological mode in the beginning of the 21st century together with the necessity to modernize the economy require the sources of financing for investment projects and development of financial infrastructure in order to decrease transaction costs and achieve stable growth rates.

The operations of financial institutes involve a set of complex multilevel contractual relationships, a large number of transactions, the distribution of assets and the formation of investment resources for the growth of the economy and its integration into the EurAsEC¹. All these processes have to be directed and managed.

It is widely accepted that the development of the national economy these days is determined by the purposeful influence on and management of the development of financial markets and institutions since it determines the pace and level of development of the national economy.

Though the processes of economic transformation have been implemented in Belarus since 1991, its financial market is mostly represented by banks. Every five years the government passes the Program of Socio-Economic Development which is indicative in nature. The latest program for 2011-2015 period was passed in 2010 and became the basis for the government Enactment No.932 (11.07.2011) and the measures for its implementation.

One of the sections of the Measures is devoted to the development of financial markets which includes the following subsections:

¹ ЕврАзЭС – экономический союз между Россией, Беларусью и Казахстаном.

1. Formation of competitive financial market.
2. Increased reliability, competitiveness and efficiency of the national insurance market and the level of capitalization of insurance companies.
3. Development of institutions of financial intermediation and financial derivatives.
4. Providing conditions for the development of integration processes that improve and expand areas of cooperation of national securities markets and derivatives markets with global financial institutions and structures.

In general, these subsections contain 20 different measures which are viewed as the means of the launch of effective mechanisms of the financial market and its institutions, which ultimately have to fulfill the Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for 2011-2015. Thus the government of Belarus faces complex conceptual, institutional economic and legal challenges in the process of formation and development of financial market.

To successfully implement the challenges, the specialists in management of financial markets and institutions have to be trained. To address the need, the Academy decided to open the 'The development management of financial markets and institutions' specialty aimed at training the specialists possessing the knowledge in the area of the development of the financial infrastructure and being capable of managing the equitable integration of financial markets and institutions in the Single Economic Space¹ and the financial space of the world economy.

Opening of this specialty will help form new managers who have an understanding of the nature and essence of modern management in the area of the development of financial markets and institutions and are capable of conducting expert-analytical activities, develop strategic documents in the field of development of the financial sector and ensure their implementation.

- The specialists in the field of development of financial markets and institutions, will, in fact, be in demand in every segment of the financial market. This is due to the fact that in the 1990s during the formation of financial market institutions – finance in economic development;
  - financial instruments and markets;
  - strategic and financial management;

- globalisation and economic development;
- macroeconomic analysis and the state of financial markets of the Republic of Belarus;
- financial management of international corporations;
- fundamental and technical analysis of financial markets;
- IFRS;
- information systems and technology in financial management;
- the influence of political business-cycles on stock markets;
- management of risks in companies and financial institutions.

The students will have to submit three course-works and defend a Masters dissertation.

The feature that distinguishes the program is its focus on:

1. Patterns of development of modern financial infrastructure and its role in investment in national economic development
2. Determining the optimum structure of various entities of financial market for a given level of development of the national economy;
3. Minimization of transaction costs in the economy based on modelling the behaviour of the subjects of the financial infrastructure;
4. Managing the development of financial institutions to achieve the desired economic growth and social development;
5. Development of institutions of financial intermediation and financial derivatives;
6. Providing conditions for the development of integration processes that improve and expand areas of cooperation of national securities markets and derivatives markets to global financial institutions and structures.

Under current conditions the process of globalization is advancing rapidly in the global economy with the end point being the formation of a global network of world economy – geo-economics whose main players will be large companies. Therefore, one of the major processes taking place in the modern economy is the enlargement of players with their configuration constantly changing. In these circumstances, the state can either promote or oppose this process as by itself it is no longer a subject of the world economy.

These days the Belarusian government promotes consolidation of our businesses – through the formation of holding companies, joint corporations, etc., respectively, there is a problem of corporate governance in these structures. The need

¹ С 2012 года Беларусь совместно с Россией и Казахстаном в рамках ЕврАзЭС приступили к формированию Единого экономического пространства, предполагающего свободное перемещение не только товаров, но и труда и капитала.

for corporate governance is caused primarily by the fact that the property belongs to the business as principals (owners, investors) while the property management rights are delegated to agents – the board and management. This situation gives rise to the asymmetry of information and related agency costs leading to management actions that are not designed to meet the interests of the owners or are directed in a way that causes harm to the interests of the owner. An example of a situation of inadequate corporate governance, as we noted above, is a clash of interests “BPC” and Russian “Uraltrejding” in August 2013. That is why the training of specialists in the field of corporate governance is extremely relevant today.

The main purpose of opening a specialty “Corporate Governance” is to train professionals with deep knowledge in the field of corporate governance that meet the needs of the national economy and provides the conditions for its development and integration in the EurAsEC, analytical skills and ability to synthesize new knowledge to make meaningful management decisions in corporate governance. Also, the opening of this specialty will form a new generation of managers who have an understanding of the nature and essence of modern management within a corporation.

Various systems of corporate governance may form depending on the characteristics of the ownership structure, its degree of concentration of the mechanisms of financial regulation, capital markets and national company law. Despite sharing the general patterns in corporate governance, the Belarusian economy will have some specificity due to its legislation. But in connection with the integration processes within the EurAsEC the problem of the understanding of corporate governance and decision-making that fits a certain economic situation arises, for the lack of knowledge on corporate governance will lead our economic entities in these conditions to a simple incorporation by Russian

corporations or corporations from other countries. Thus, the main purpose of opening the program is to prepare managers who understand the nature and essence of modern corporate governance for the development of the national economy.

Experts in the field of corporate governance will, in fact, be in demand in all segments of our economy, because, as it was mentioned above, the process of consolidation of players in the global economy is under way. Accordingly, there is enlargement of capital and changes in its structure through the deepening separation of capital-ownership from capital as a function.

Within the specialty of “Corporate Governance” the list of core modules to be studied includes the following subjects:

- models and mechanisms of corporate governance: theory and practice;
- corporate finance;
- risk management of corporation;
- IFRS;
- asset management of the company;
- corporate information systems and technologies;
- legal basis of corporate governance;
- transfer pricing in a corporation;
- corporate governance in international companies;
- organisational development and management of change in corporations;
- corporation management.

Conclusion

Thus, despite the difficulties that exist in the training of managers, the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus is working hard to open of new specialties at the Masters level. The training of specialists will help create a civilized market relations in the Republic of Belarus, facilitate its full integration into the global environment, which in turn, will provide not only economic but also social development of the newly independent republic.

REFERENCES:

1. Novikova I. Why is Korea not afraid to enter geo-economy? // TheKoreanTimes. October 22. 2010. P. 12.
2. Annual Statistics of the Republic of Belarus. Minsk, 2013. URL: <http://www.statistics2013.org.by> (date of access: January 12, 2014)

УДК 316.47

*Хашаева С.В.***СОСТЯЗАТЕЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Хашаева Светлана Владимировна, кандидат социологических наук, доцент
Институт управления Белгородского государственного
национального исследовательского университета
г. Белгород, ул. Победы, 85, 308015, Россия; E-mail: Hashaeva@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья представляет собой попытку системного описания состязательного пространства студенческой молодежи. Соревнование (состязательность) – начнем с характеристики этого понятия – является разновидностью социального сравнения. Последнее выступает для него родовым понятием. Как отмечает Н.Ф. Наумова, «... социальное сравнение – очень гибкий, чуткий и динамичный механизм, в котором заложена возможность адекватного отражения социальной реальности. Социальное сравнение – это не просто оценка, а основание для принятия решений индивидом, ориентир его социального поведения».

Ключевые слова: соревнование; состязательность; соревновательные отношения; сравнение; социальное пространство; молодежь.

*Hashaeva S.V.***COMPETITIVE SPACE
OF STUDENTS****Hashaeva Svetlana Vladimirovna***PhD in Sociology*

The Institute of Management Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Hashaeva@bsu.edu.ru**АБСТРАКТ**

The paper is an attempt of a system description of the competitive space of students. Competition (competitiveness) – let's start with the characteristics of this concept is a kind of social comparison. The latter acts for it as a generic term. As noted by N.F. Naumova, «... social comparison is a very flexible, responsive and dynamic mechanism, in which there is a capacity of an adequate reflection of social reality. Social comparison is not just the assessment, but the basis for decision making by the individual, his/ her guide to social behavior».

Keywords: competition; competitiveness; competitive relationships; comparison; social space; youth.

Каждому человеку присуще своего рода социально-психологическое поле – назовем его соревновательным (состязательным), которое, как и магнитное, притягивает к себе результаты деятельности других людей, их поступки, образ жизни в качестве объектов ревностного отношения. Соотносятся эти поля самыми различными способами: накладываются, пересекаются, располагаются рядом и т.д. Поле одного человека, продолжим сравнение, может быть засеяно одной единственной культурой. На поле у другого человека можно заметить сразу несколько культур. Многие качества и дела побуждают его к состязательности. А у третьего – один лишь бурьян, который глушит ростки культурных растений. С поля одного человека видны только ближайшие участки, с поля другого – и самые дальние. Соревновательное поле у одного человека может ограничиваться его ближайшим социальным окружением, у другого – вовлекать в себя выдающиеся творения человеческих рук и разума. Сравнение человеком своих успехов с лучшими в мире достижениями, ревностное отношение к ним образует высшую ступень состязательности. Ничего плохого в этом нет: ведь сравнивать – еще не значит приравнивать.

Соревновательные отношения занимают значительное место в пространстве социальных отношений. Если принять во внимание взаимную направленность действий агентов социального взаимодействия, то все это пространство заполняется тремя основными типами отношений: сотрудничество, состязательность и конфликт. Соревнование занимает промежуточное положение между сотрудничеством и конфликтом. Оно может быть ближе или к сотрудничеству, или к состязательности, меняя, соответственно, формы проявления: от партнерского соревнования, направленного на достижение общей цели, до жесткой конкуренции соперников. Вырастая из кооперации, сотрудничества людей, состязательность может при определенных условиях, перерасти в их конфликт. Как справедливо отмечают П.М. Дизель и У. Мак-Кинли Раньян, «конкуренция между группами может принести пользу, заставляя лучше работать и сплачивая членов коллектива. Разумный баланс между соперни-

чеством и сотрудничеством обычно весьма выгоден. В умеренных дозах такая строго контролируемая конкуренция, несомненно, полезна, но в противных случаях может вызывать многочисленные конфликты, причиняя людям страдания и делая их работу бессмысленной».

В ходе исследования жизненного пространства студенческой молодежи Белгородской области выяснялся, в частности, соревновательный аспект этого пространства. Респондентам было предложено ответить на вопрос о том, как часто возникает у них желание состязаться с кем-то. Полученные ответы распределились так: да, часто – 26,1%, иногда – 30,0%, редко – 24,8%, нет – 19,6%. Таким образом, у большинства опрошенных студентов систематически или периодически возникает желание соревноваться. Причем, продолжительность обучения в вузе практически не влияет на появление такого желания и его интенсивность. Нет заметных различий в проявлениях этого желания в зависимости от места обучения студентов.

В ходе исследования выяснялся также предмет состязательных отношений, иначе говоря, то, в чем хотелось бы состязаться респондентам. Судя по полученным данным, три предмета обладают наибольшей привлекательностью: 1) спорт, физическая культура, 2) успехи в учебе, 3) моральные качества (порядочность, честность и т.п.). На них указывают, соответственно, 17,7%, 16,6% и 13,3% опрошенных. В предметном поле состязательных отношений находятся также «успехи у противоположного пола» (7,0%), «внешняя привлекательность» (6,8%), «отдых, развлечения» (6,3%). Несколько неожиданным оказался низкий рейтинг соревновательной привлекательности «наличие хороших, модных вещей» (2,1%). Исходя из этого, можно предположить, что опрошенные нами студенты не страдают «ве болезнью». Следует отметить, что значительная часть студентов (21,6%) заявила, что она «ни в чем» не хотела бы состязаться, а 12,5% опрошенных – «во всем». Есть респонденты которые затруднились с определением своих соревновательных предпочтений (8,1%).

Сравнительный анализ полученных данных в разрезе курсов обучения и места учебы

студентов приводит к следующим выводам (см. таблицу 1). Во-первых, за период обучения в вузе меняются направленность и интенсивность соревновательных ориентаций. Ослабевают соревновательная значимость «спорта, физической культуры», «успехов в учебе» и, наоборот, возрастает значение моральных качеств (порядочность, честность и т.п.).

Во-вторых, заметно возрастает число тех, кто «ни в чем» не желает соревноваться: если среди первокурсников их 17,5%, студентов третьего курса – 20,2%, то среди студентов пятого курса – 27,4%. Возрастает также число тех, кто «во всем» хотел бы состязаться (соревноваться). В-третьих, для студентов белгородских вузов сравнительно большую соревновательную значимость имеют «спорт, физические качества» (особенно для студентов БГТУ), а также «моральные качества», для студентов периферийных вузов – «отдых, развлечения». Среди них также значительно больше тех, кто «ни в чем» не хотел бы состязаться, т.е. невосприимчивых к соревновательным отношениям.

Таким образом, система ценностей в этической структуре позволяет:

- выявить истинные ценности;
- предоставить возможность образования;
- удовлетворить социальные ожидания;
- предоставить заинтересованным сторонам возможность уточнить свои ожидания;
- установить конкретные проблемные духовной сферы;
- узнать о проблемах, которые мотивируют работников;
- установить общие сферы этических нарушений, особенно связанные с недобросовестным сотрудничеством.

Выводы. Таким образом, можно заключить следующее:

1. Регламентирование на уровне законов, позволяющее избежать возможных случаев коррупции и злоупотребления служебным положением, конфликтов и других случаев при формировании этической политики, не является достаточным, так как сами законы не всегда бывают полностью эффективными. Вместе с возможными санкциями (поощре-

ние и наказание) важна и внутренняя мотивация, опирающаяся не только на правовые, но и на этические нормы.

2. Этика не является целью общественного администрирования, однако она может быть средством для достижения других гуманитарных целей. Деятельность представителей власти и их решения, не нарушающие этические требования, это предпосылка хорошей общественной политики. От их этических действий зависит и вся политика государства. Как утверждают Берман и Бонжек, основой доверия общества к администрации является прозрачность и открытость принимаемых ею решений [2]. Созданию и оценке этических планов в Литве не уделяется достаточного внимания.

3. В Литве на государственной службе существует ещё одна проблема: до тех пор, пока в организации не проводится этический аудит, не существует и механизмов аудита, которые уже давно имеются в других странах. Отсутствие системы аудита обуславливает фрагментарность этической структуры. Как утверждает Пратлей, современная теория всестороннего контроля пытается найти наиболее подходящие нормы, средства и способы контроля, а общие этические ценности, такие как «порядочность», «честность», «ответственность», на самом деле переведены на конкретные и измеряемые параметры [1, 89].

4. В других странах, например, в Германии, действие и существование системы управления этикой оценивается независимым аудитором, который стремится оценить этический характер организации и путем специальных опросов оценивает эффективность реализованной программы ценностей. В Литве, к сожалению, эффективность этической системы описана только в научной литературе.

5. Для объяснения и улучшения положения организации проводится так называемый этический аудит («проверка качества» – *qualities monitor*), который состоит из системной проверки «этичности» организации. Признаки (параметры), которые могут быть выделены при проведении аудита, могут быть следующими: проверка качества; обзор системы измерений; отдельная оценка свойств и факторов; дилеммный декодер; индикатор поведения; рефлексор управляющих.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«В чем хотелось бы состязаться?» (в % к числу опрошенных студентов)

Table 1

Distribution of answers to "What would you like to compete in?"
(% to the number of respondents)

№ п/п	Варианты ответа	Категории опрошенных								Всего
		Курсы			Вузы					
		1	3	5	БГТУ	БелГУ	БГСХА	филиал БелГУ	филиал МИСиС	
1.	Спорт, физическая культура	23,1	16,9	13	28,7	19	10,1	1,8	11,2	17,7
2.	Успехи в учебе	24,5	15	10,1	16	15	15,2	19,8	16	16,6
3.	Внешняя привлекательность	4,7	11,7	3,8	8	15,3	11,1	–	6,4	6,8
4.	Успехи у противоположного пола	10,8	2,3	7,7	4,7	10	11,1	6,3	9,6	7
5.	Наличие хороших, модных вещей	2,8	1,4	1,9	1,3	3,5	7,1	–	1,6	2,1
6.	Отдых, развлечения	3,8	8,9	6,3	3,3	3,5	3	9,9	8,8	6,3
7.	Моральные качества (порядочность, честность и т.д.)	12,3	10,8	16,8	16	24,3	26,3	5,4	3,2	13,3
8.	Во всем	8	15,5	13,9	12	6,3	15,2	13,5	10,4	12,5
9.	Ни в чем	17,5	20,2	27,4	14	13,2	10,1	47,7	32	21,6
10.	Другое	2,8	2,3	0,5	3,3	2,1	2	–	–	1,9
11.	Затруднились ответить	8	8	8,2	11,3	12,5	16,2	–	0,8	8,1

Очень важное значение, для результативного и эффективного использования регулятивного потенциала состязательных отношений имеет обеспечение реальной возможности самоутверждения и самореализации студентов.

В зависимости от предмета и социальной направленности самоутверждения можно выделить и рассмотреть следующие его типы: конструктивно-созидательный, поисковый, статусный, дискриминативный, по-

требительский, престижный, знаково-символический и деструктивный.

Конструктивно-созидательное самоутверждение осуществляется посредством изменения предмета деятельности, опредмечивания в нем человеком своих личностных качеств, индивидуальности. *Поисковое* самоутверждение выражается не в созидании и изменении предмета в соответствии с притязаниями человека, а в поиске, выборе такого предмета как «готового к употребле-

нию». *Статусное* самоутверждение нацелено непосредственно на изменение социального положения человека (повышение по «лестнице» служебно-должностной иерархии, установление знакомств с «сильными мира сего» и т.п.). *Дискриминативное* самоутверждение (лат. *discriminativ* – обособление, различие) проявляется в стремлении человека выделиться во что бы то ни стало среди окружающих, выразить свою исключительность. *Потребительское* самоутверждение – это утверждение человеком себя не через «уметь», а через «иметь», повышение сравнительного уровня личного потребления. *Престижное* самоутверждение выражается в стремлении приобщиться к социально престижным предметам, ценностям (посту-

пить в престижный вуз, получить квартиру в престижном микрорайоне, заниматься престижным видом спорта и т.п.). *Знаково-символическое* самоутверждение особенно заметно проявляется в формировании и динамике музыкальных вкусов молодых людей, приобретении ими предметов, символизирующих соответствие человека установившейся «норме», включенность в молодежную субкультуру. Самоутверждение выражается нередко и *деструктивным* путем, т.е. путем принижения значимости социальных ценностей и одобряемых обществом способов, сфер самоутверждения, формирования человеком собственной системы ценностей, позволяющей избавиться от чувства неполноценности и обрести уверенность в себе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хашаева С.В. Состязательный механизм социальной регуляции. Белгород: ИП А.А. Остащенко, 2009.
2. Дизель П.М., Мак-Кинли Раньян У. Поведение человека в организации. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1993.
3. Данакин Н.С., Питка С.Н. Компаративный механизм социальной регуляции. Белгород: Изд. центр «Логия», 2011.
4. Данакин Н.С., Андриюшина О.Е. Социальное регулирование организационного поведения. Белгород: Изд. центр «Логия», 2012.

REFERENCES:

1. Hashaeva S.V. Competitive Mechanism of Social Regulation. Belgorod: SP A.A.Ostashchenko, 2009.
2. Diesel P.M., McKinley Ranjan W. Human Behavior in the Organization. M.: Foundation «For economic literacy», 1993.
3. Dancin N.S., Pitka S.N. Comparative Mechanism of Social Regulation. Belgorod: Ed. Center «Logy», 2011.
4. Dancin N.S., Andryushina O.E. Social Regulation of Organizational Behavior. Belgorod: Ed. center «Logy», 2012.

УДК [338/1+316/42](467)

*Chervinski A.S.***THE PHILOSOPHICAL AND
METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
OF COMPREHENSIVE ASSESSMENT
AND MANAGEMENT OF THE
ENVIRONMENTAL QUALITY**

Chervinski Alexander Sergeevich, *Senior Researcher,*
The Center for Philosophical, Methodological and Interdisciplinary Research
The Institute of Philosophy, The National Academy of Sciences of Belarus
1 Surganova St., Minsk, 220072, Belarus; *E-mail: a.chervinski@gmail.com*

АБСТРАКТ

The environmental quality is a multilateral performance standard socio-natural relations whose functional significance lies in the ability to reflect the optimal processes of environmental safety. The philosophical and methodological interpretation of the problem has a character of giving solutions to the dialectical contradiction between the state of a natural element in the biosphere and the form that enables it to satisfy the needs of society. This approach can develop the methodological basis for a comprehensive assessment of the state of natural components, effective when the environment acts as a limited source of economic resources, and the problem of social and natural optimization cannot be reduced to optimizing the quality of natural objects only by improving their economic performance.

Keywords: environmental quality; comprehensive assessment; quality and quantity of conjugated indicators of sustainable development; rents.

*Червинский А.С.***ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ
И УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ**

Червинский Александр Сергеевич, *старший научный сотрудник*
Центра философско-методологических и междисциплинарных исследований,
кандидат философских наук, доцент
Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, Минск, 2220072, Республика Беларусь; *E-mail: a.chervinski@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Качество окружающей среды является полиаспектной нормативной характеристикой социоприродных отношений, функциональная значимость которой заключается в способности отражать оптимальность взаимонаправленных процессов: природоохранного и природоэксплуатационного. Философско-методологическая интерпретация проблемы, по существу, имеет характер решения диалектического противоречия между тем, в каком состоянии находится природный элемент в системе биосферы, и тем, в каком виде он в состоянии удовлетворить потребности человека.

Такой подход может выступить методологической основой комплексной оценкой состояния природных компонентов, эффективной в условиях, когда окружающая природная среда выступает ограниченным источником хозяйственных ресурсов и проблема социоприродной оптимизации не может быть сведена к оптимизации качества природных объектов путем только улучшения их хозяйственных характеристик.

Ключевые слова: качество окружающей среды; комплексная оценка; сопряженность качественных и количественных показателей устойчивого развития; рента.

1. Introduction

The problem of assessing the quality of the environment is a society-nature relationship optimization problem. It is not confined to the conservation and protection of nature from all forms of human impact. The quality of the environment cannot be kept static. It is a product of socio-natural interactions and a normal by-product of human activity. People can only live in socially adapted conditions. Economic evaluation of environmental quality requires a set of economic, biological, medical, biological, aesthetic criteria. This approach poses the problem of conceptual integration of quantitative indicators of sustainability from the perspective of ecological and economic evaluation.

2. Research findings

The theoretical basis for the development of appropriate approaches to assess the quality of the environment, the formation of complex valuation principles allowing the assessment of the environmental quality in order to eliminate the internal contradictions between quantitative and qualitative indicators, is the philosophical methodology. The philosophical methodological development is the starting point for the valuation on environmental quality methodologies and allows one to create a comprehensive environmental function based assessment: environmental, economic, bio-geocenosis, medical-biological, aesthetical etc.

The ecological and economic unit is the most specific in the structure of a comprehensive assessment, as in the economic interpretation of the environmental issues dominating is the utilitarian approach of the assessment procedure. Since the first theoretical approaches on environmental economics of the human environment have been interpreted in strictly economic terms, and since that time the functional contradiction between quantitative and qualitative approaches to the study of the natural environment forced researchers to seek ways and means to shape comprehensive quantitative and qualitative interpretation.

In today's economy, such approaches are mainly developing mechanisms to assess significant characteristics of the material, expressed in certain cash equivalents, and in this respect the economic assessment of the environment

has been developed on the areas of the environment, which is a source of raw materials.

Valuation approach from the perspective of identifying economically utilitarian benefits is based on the identification of quantitative characteristics and interpreted in their overwhelming majority, in numerical, that is, in terms of money. Trying to interpret the environmental assessment in neutral terms – points just does not solve the problem because the situation does not outweigh the highly specialized utilitarian approach.

It should be noted that the conclusion on the theoretical possibility of technical endowment opportunities for natural systems is not agreed by all researchers. In this question, in our opinion, not enough sound is the complex technical ability to integrate in a biocenosis as a structural systemic element. In this respect, of interest are the arguments about the relationship between technique and nature, based on the machinery use in the garden. Machinery is needed in the garden, as without it the garden couldn't be neat and tidy. At the same time, machinery does not harmonize with the garden nor functionally, nor structurally because it is the opposite to life and disturbs the natural harmony of the garden.

Apparently, there is no use to dwell on the problem of "naturalness" of the garden, in which creation an indispensable part took the "machine" as a set of technical means of anthropogenic impact on environment. The criteria analysis by which the classification is made in internal "limited" systems and external "unlimited" elements is mistakenly done on the principle of the inexistence of human interdependence. The estimated differential is carried out on two grounds: first, on the belonging to the living, and, second, on the functionally lack of harmony of the machinery in relation with the culture biocenosis.

The lack of consistency of the first argument becomes obvious if we remember that the structure of the environment system is not only formed from living matter, but also from a-biotic elements – soil, water, and other specific landscape and other non-living components, as well as machinery, without which however, the living substance in the garden cannot exist. Therefore, considering these circumstances the criteria evaluation loses its rigor and acquires a certain subjective aspect.

With this approach, it becomes possible to arbitrarily manipulate the evaluation criteria based on the personal views of the positive and negative anthropogenic environmental impact.

This is also a subjective criterion of inorganic functionality of the ecosystem because it contains no answer to the question: "Can the garden maintain its systemic soundness in a non functional relation with the machine solely by implementing its own regulatory potential?" Such a response can only be negative. Any culture ecologic system cannot exist due to its internal reserves, regardless of technical endowment of the society. Permanent purposeful anthropogenic interference (cultivation, harvesting, irrigation etc.) determines the normal development of each agricultural biocenosis. Because such an impact can be carried out only by the "machine", that is with the help of technical tools, we obtain a functional integrity "machine-garden". The technical complex (irrigation system, land cultivation etc.) is a necessary, internal component of any culture ecological system. Machine as a set of technical means is an organic garden. Its possibility to disturb the harmony of the garden is not excluded to the same extent that it is not excluded the probability of such violations from natural factors. Therefore a comprehensive economic and ecological evaluation based on the optimum relationship between living matter and complex artificial technical objects is needed.

Environment can and should be "optimized" by anthropogenic transformation. The assessment issue is solved by sufficient scientific basis of the assessment process, sound information on interaction parameters of the socio-natural relationships optimality and strict adherence to the evaluation criteria. In accordance with the received methodological scheme is necessary to define the baseline assessment, use traditional or create new assessment tools to develop a search algorithm, coordinate and control separate evaluation operations.

Theoretical description of the objects should be present in solving empirical and constructive tasks, when a classification of ecological linkages is needed. The result of this development is the formation of complex representation of the level and assessment criteria of socio-natural interaction.

In culture biocenosis there is no closure of systemic cycle of production of biomass, because the process is artificially interrupted and the bio-organic mass is extracted from the production cycle at an early stage. The functioning of culture ecosystems is built on a conscious violation of the law of return items and the threshold of the produced biomass depends on the non-returned to the soil elements used by organisms. It should be noted that as a result of the yearly harvesting, soil significantly reduces its vital content. Removing elements from the soil significantly undermines its fertility and finally depletes ecosystems if in the same time no biotechnological activities are carried out, including the return to the soil of lost mineral and organic elements.

In modern technical processes it is difficult to avoid disturbing the natural ecological processes. The selfregulation possibilities of the entire biosphere and its individual subsystems are far from unlimited. At the same time, society as an interdependence element is practically unlimited in its technological genesis capacity. Therefore, in the interaction society-nature appears as possible the stage when the biosphere, significantly undermining its self management resources under the pressure of human impact, will be unable to maintain its structural and functional organization and the function of maintaining the dynamic balance of nature will have to be performed by humankind.

The ability to control the dynamics of biosphere processes and make periodic adjustments to the consequences of technological development of the natural sphere can be accomplished only at a high level of scientific and technical equipment of society and its social systems. Therefore, the yield of the complex confrontation between man and nature can be found in optimized regulatory anthropogenic activities on the environment.

Built environment cannot be external, fundamentally different with respect to the biosphere. Bio-geocenosis in addition to social functions must preserve its functional defined division in a system of natural links. At the level of artificial ecological support systems of living matter requires an optimal combination of biological organisms' activities and technological activities of human society. In this case, the task is to con-

ceptually combine the knowledge about natural environment and the role of man-made objects in a single eco-economic system.

The problem of replacing natural systems with self regulation mechanisms with anthropogenic ones is linked to the analysis of management capabilities and transformation processes of matter and energy, not only between living organisms and their environment, but also between man-made and natural systems. This task updates the formation of environment management strategies.

The problem of the environmental quality acquires the character of a solution to the contradiction between the state one biosphere natural element and the measure of its capability to meet the needs of an individual. Therefore rents become economic measures for the state of nature components, so the term is focused on the applied nature of socio-natural relations, when the natural environment is an endless source of economic resources. The social and natural optimization problem can be reduced to a series of specific problems to improve the quality of natural systems by improving the economic characteristics: soil fertility, species composition of the forest ecological community, reclamation of waterlogged and therefore economically non-productive land, etc.

There is a basic contradiction in the economic interpretation of the problem of environmental quality and without overcoming flawed assumptions it impossible to obtain a methodologically competent enough conjugation of quantitative and qualitative indicators and an integrated environmental-economic evaluation.

Utilitarian orientation estimates do not take into account the value of the environment itself. This approach is limited, as anthropocentrism does not imply the conservation of the natural environment as a self-sufficient and self-reliant system.

The raw approach, accompanied by the destruction of natural resources, excludes from the economic interpretation area the whole block of environmentally appropriate areas of social nature. Significant reserves of economic benefits from the social use of the environment have the so-called environmental services associated with the natural goods. Ecological and economic approach to the assessment of sustainable de-

velopment in the functional sense is an economic assessment of the environmental impacts of either environmental benefits, or environmental losses resulting from socio-natural interactions at the level of human pressure.

This approach can be applied to develop assessment methodologies for the natural resources potential of an area, meaning an essentially comprehensive evaluation of the economic potential of the area, associated with the exploitation of its ecological status.

The need to develop market mechanisms in the field of environmental quality is based on a growing concern regarding the anthropologic impact on natural environment. Allocation of pollution certificates as well as their trade on the international market is not directly linked with the concept of the environment as a source of raw material resources, and it is based on the recognition of the uniqueness of historical natural biogeocenosis. As an economic tool in ensuring the optimization processes of nature, it can serve as payment for the environmental management. Schematically, the introduction of charges for natural resources is a means of economic regulation of the dynamics of nature. It is developed with the aim of achieving the highest valuation adequacy of the environmental impact of various forms of social consumption of natural environment. The greatest financial burden payment for natural resources should be in the area of human activity and resource intensive activities economically interpreted in the form of differential rent. As it is known, rents are treated in the economy as "God-given blessing" and are a specific form of obtaining material benefits associated with the circumstance of land ownership. Since abstract land does not exist on every piece of land something is growing, and what is growing fills that piece of land, the land can be evaluated on the basis of its natural conditions or artificial ones. Introduction of the differential rent is very specific and interesting aspect. By itself, the economic rent as the right to use land is quite abstract. In the event that a piece of land belongs to the property of a business entity should be considered a form of practical operation of this site. So, if the plot of land on which the natural, untouched, ecological system is not subjected to anthropogenic transformation, then this site cannot be considered as a source

of raw materials. Without converting its land, the owner receives additional financial benefits from exploiting its ecological importance (relict species, unique character that can be represented by rare species of fauna, etc).

In this case, it appears a specific form of assessment that includes both ecological and economic indicators of sustainable development. If the land owner is the state, the withdrawal of the origin rental income may be gathered in the form of an environmental tax. The bottom line envisages the payment for the use of "weightless utilities", intangible and non-physical expression of environmental values for environmental locations situated anywhere.

Within an evaluation plan, this approach raises the problem of the conceptual integration of sustainability quantitative indicators from the perspective of environmental and economic assessment. Preservation of environmental services excludes industrial use of natural resources

as raw materials. Therefore, the development of such mechanism could create the preconditions to create complex economic assessment methods of payment as environmental charges for the provision of environmental services.

The optimization of natural environment usage, taking into account its comprehensiveness and a transition from a one-way feed use to an integrated one, can bring significant economic and environmental benefits. The social use rationalization, with the optimization of the human impact on the natural environment, has significant reserves for improving welfare and sustainable development.

Conclusions

The above results of the study can serve as a conceptual basis for further scientific developments of various aspects regarding sustainable development through the application of innovative technologies and their widespread practical use.

REFERENCES:

1. Butlin J.A., Mcade J.E., Heal G.M., Page T., Grout P. Economics and resources policy. Longman. 2001. X, 206 p.
2. Campbell K.O. The role of agricultural economists in the conservation of natural resources. *Minerva*, L., 1991. vol. 19. №4. Pp. 632-639.
3. Carpenter R.A., Dixon J.A. Ecology meets economics. *Environment*, Wash., 1985. vol. 27. № 5. Pp. 6-11, 27-32.
4. Economic and ecological interdependence. P.; OECD. 2002. 86 p.
5. Economie de l'environnement et du patrimoine naturel // *Rev. econ.* P. 1990. vol. 41. n 2. Pp. 181-431.
6. Economics and the environment // OECD observer. P. 1994. n 130. Pp. 30-34.
7. Elliot R., Gare A., Goodin R., Warren M.A., Attfield R. Environmental philosophy st. Lucia etc.; Univ. of queensland press. 1993. XIV. 303 p.
8. Sagoff M. Process or product? Ethical priorities in environmental management // *Environmental ethics*. Athens, 1996. vol. 8, n 2. Pp. 121-138.
9. Young O.R. Natural resources and the state berkeley etc.; Univ. of California press. 1991. XI. 227 p.
10. Iegler Ch.E. Centrally planned economies and environmental information: *Sov. studies*, Glasjow. 1992. vol. 34. n 2. Pp. 296-299.

УДК [338.](167.7)

*Shirokanov D.I.***MODERN INTEGRATION
GEOPOLITICAL DYNAMICS
AS AN OBJECT OF PHILOSOPHICAL
ANALYSIS****Shirokanov Dmitry Ivanovich***Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the NAS of Belarus
Chief Scientific Official of the Center for Philosophical, Methodological
and Interdisciplinary Research**The Institute of Philosophy, The National Academy of Sciences of Belarus
1 Surhanova St., Minsk, 220072, Belarus; E-mail: a.chervinski@gmail.com***АБСТРАКТ**

Globalization processes and their integration into the modern society are often characterized by the threats of radical transformations that may be associated with weakening of the local social and cultural identity, the devaluation of traditional spiritual values etc. In this situation, the changes of traditional value orientations (including socio-economical) are accompanied by specific manifestations of compensatory reactions of the society, ensuring the necessary level of optimality, combining local and global coordinates.

Keywords: global values; research methodology; local and global criteria; philosophical analysis.

*Широканов Д.И.***СОВРЕМЕННАЯ
ИНТЕГРАЦИОННАЯ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА
КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО
АНАЛИЗА**

Широканов Дмитрий Иванович, главный научный сотрудник
Центра философско-методологических и междисциплинарных исследований,
доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси
Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, Минск, 2220072, Республика Беларусь
E-mail: a.chervinski@gmail.com

Аннотация

Современные процессы геополитической интеграции содержат угрозу радикальных преобразований, которые могут быть связаны с ослаблением местной социальной и культурной самобытности, с девальвацией традиционных духовных ценностей и т.д. В этой ситуации, изменения традиционных ценностных ориентаций (в том числе социально-экономических), поэтому часто сопровождаются проявлениями компенсаторных реакций общества. Исследование процессов предполагает комплексный подход к выявлению детерминант на уровне как глобальных, так и локальных проявлений.

Ключевые слова: методология исследования; глобальные ценности; локальные и глобальные критерии; философский анализ.

1. Introduction

The global economic crisis has shown that the processes of globalization include not only the economy, politics, culture, and human consciousness. There is a transformation of ideas about the world, society, and themselves change the mechanisms for the selection of life strategies.

A person faces the problem of internal self-determination setting priorities and a new system of values.

This study aims to identify the dynamics of the development of civilization, as new prospects and new challenges appear in the modern globalizing community. There is a transformation of ideas about the world, society, and themselves change the mechanisms for the selection of life strategies. It examines the main directions of modernization, acceptable for the sustainable development strategy, which allow, by preserving the national identity and traditional spiritual values, the change of the population life conditions.

The philosophical, methodological and socio-economic analysis of the innovation processes dynamics deals with the systemic transformation of the modern society with the aim to determine their compliance with the global humanitarian and economic values.

2. Research findings

The process of globalization became the dominant trend of the world economy, significantly changing the system of international economic relationships, both internationally and nationally. The modern post-industrial transformation involves rather a mix of local and global issues, instead a dominance of the local, thus giving priority to the former one. Moreover, the self-determination of the nation-state is one of the main triggers able to enforce the global economic strategy implementation at a local level using the leading actors of globalization – the transnational corporations.

Production of scientific knowledge in the system is the material basis of human life. Along with spiritual values formed culture system that links past and present, forms stable structures and forms.

Trend and maintaining a positive retention in the development process has been limited and is associated with a particular stage of historical development of mankind, the Enlightenment. Progress in the field of scientific and technological development can be accompanied

by regression in many conditions of human existence.

The problem of the individual in the civilizing process and increasing the freedom of man faced with the technocratic tendencies unification needs in the area of mass culture.

The phenomenon of freedom is deeper and more multifaceted than the problem of adequate and recognized necessity of human actions. Freedom is connected with human life, with the understanding they make sense of their existence.

Paradigm of post-industrial society is based on the development of a new approach to the assessment of the role and place of the spiritual sphere of the human being. Great importance in all spheres of human life acquires information, intellectual and innovation.

An important factor in post-industrial transformation has become a modern information revolution.

Unlike social revolutions, it is able to reconstruct the life of the whole society, creating conditions for the universalization and globalization of human interaction. The main resource that provides stability and flexibility to post-industrial economies has become information and knowledge. Knowledge becomes a major capital, a new specific resource that is widely used in the world today, along with the natural resources, labor and capital.

Information is a resource that is different from other resources that constantly accumulates and not wasted. Natural resources are limited, but knowledge remains the “generator” of new energy sources. Growth of knowledge develop ways to use them, is involved in the creation of new information technologies. Information technology has become a factor for positive change in all spheres of human activity. The information revolution has an impact not only on the local public sector production, and creates a new economic and social reality of global level. New social reality – is an information society in which power becomes the main subject of the information.

Introduction of interactive communications system allows the transformation of the nature of socio-economic, cultural and political processes.

Information security was to address two major problems:

– firstly, to effectively regulate the major economic, social, political and ecological processes;

– secondly, to overcome the desire of people to solve problems by using a different technique, that is to depart from rationality technicism.

The global aspects of information include philosophical, economic, socio-political and cultural aspects. It dominates the technological basis and is aimed at the transformation of all areas of human activity.

Information technology, information resources and infrastructure form the information environment, which is the technological basis for the formation of a single global information space. The development of the information environment in many countries has become a factor of sustainable development. Information environment becomes a means to turn to the right direction the economic, scientific, social, cultural, educational and other social spheres.

Effectiveness of the informatization process based on technological progress is determined by the extent to which new technologies have a positive impact on social change. Information technology is not only a demonstration of the human mind, but is the technology “for people”.

Information technology, a revolution in the field of communications, contributed to the development of messages globally. Through information technology people become part of the international community, able to communicate openly and receive information in real time. Each user of the global information networks becomes a single element of the planetary community. Information technology environment becomes the basis of a single information area of any state. Therefore, one of the most important indicators of the information society development is the level of compliance with the use of information resources in relation to the needs of society. That is, the conversion of information resources into information products and services. One of the criteria for society's transition to the stage of development of information is the number of people employed in the field of information services. In that case, if the rate exceeds 50%, the company is considered informational.

Information infrastructure enables the economy to shift to the massive use of advanced information technology, computer hardware and telecommunications. As a result, the market is formed of knowledge and information, which are the factors of production. Knowledge complements the natural resources, labor and capital markets.

Under these circumstances, and due to each country's desire to maintain its sovereignty, serious difficulties and challenges to the development of coherent foreign policies and to the creation of inter-regional regulatory mechanisms within the integrated union are inferred, as for example, within the framework of the Common Economic Space (CES). It appears as necessary not only an interstate legitimacy, but a supra-structural one, sufficiently authoritative in order to resolve the contradictions between self-determination and integration based on respect for the sovereignty of the Member States, having not only coordination rights but also administrative decisions. This includes, on the one hand, the solidarity of common solutions, the integrative character of the EES functions (joint management), on the other hand, the separation of decision functions between each Member State of the EEA, and the delegation of these functions to them in order to take the right decisions for specific issues in each country.

Despite every intention to change the structure of the country's foreign economic relations to favor high-tech production, it is unlikely that this would happen soon in the Belarusian economic policy, as the country is, and will always be, a nation highly dependent of the international market of primary energy resources. As in the foreseeable future the dynamics of oil and gas world prices for will remain the same, this will be the main factor determining the means of integration and the country's way of functioning within the regional integrated structures, the relations with the West and East, the character of the new society formation.

The integration of the Euro-Asian Economic Union (EEC) is lacking institutional structures. On one hand, this is due to objective conditions determined by the independent development of the states of the region, finding themselves in completely different circumstances, and on the other hand, by subjective factors as the cost of national egoism, failures in implementing of a coherent institutional and organizational integration, factors reducing the effectiveness of other possible interventions. As in the Commonwealth of Independent States (CIS), in this situation there are also very relevant the issues of the creation of an implementing mechanism adopted in the framework of the EEA decisions.

It is necessary to keep in mind that most of the economic plans of the CES will depend not

only on the degree of interest in collaboration, but also on the real possibilities of integration. Significant differences in the levels of socio-economic development, economic structure, high transport tariffs determined by the geographically remote from each other individual countries, and others will require the development and implementation of new and effective mechanisms in order to apply the Common Economic Space programs, taking into account the principle of a Single economic doctrine.

In order to counter the influence of the negative trends of globalization we should have a coherent socioeconomic strategy, capable to unite the society and set the direction of the evolution "vector". The lack of an economic strategy is the supreme problem of the evolution of a society that leads to the predominance of the chaos in the economy.

In the twenty-first century, the main direction of the evolution of public policies in countries with developed market economies is characterized by the transition to modern national structural and institutional policies, where the government, business and public institutions are partners in their development and implementation, each partner having specific strategic decision-making rights and responsibilities within the framework of sustainable economic development.

Under these circumstances, one should take active efforts to develop a national strategy to create a competitive structure of the economy, elaborated jointly by the government representatives, businesses, science and civil society organizations in order to identify the most competitive areas of business that can attract the capital of Western multinational corporations, as well as the most competitive economic sectors that may generate domestic, Belarusian capital, transnational corporations. Nowadays this is feasible for the machinery, metallurgical and chemical huge enterprises, that are able to unite under a single leadership and then convert to a vertically integrated structure. This is possible especially for the oil processing and petrochemical industries, power generation and chemical companies to create competitive corporations, with high value-added manufactured products, demanded on domestic and global markets.

The true path of getting into the global economic area is the gradual convergence of the domestic macro-and micro-competitive environment quality and of the standards of entre-

preneurial firms having analogues on the world market. For the right to use the world market facilities (including for public enterprises) as the already developed networks (financial, innovation, investment, distributional, informational, advertising etc.), one has to pay, including through the domestic companies auction of shares on the stock market especially to foreign investors, as lately, mergers and acquisitions became effective instruments of capitalization. Sustainable development, especially the modernization of the national technology infrastructure should be one of the main objectives for the business community, doubled by the state participation, along with the need to develop the economic reproduction legislation and its strict enforcement.

This approach allows us to reveal the specifics of the value formation in a modern society in the context of changing the traditional paradigm to investigate the role of local factors in ensuring the compensation community response to the dynamics of global transformation, to develop a theoretical and methodological basis of measurements of the dynamics of regional integration processes. Taking the path of sustainable economic growth for the implementation of national structural policies, more and more become important the basic parameters of the state prospective macroeconomic policies, especially the indicators of tax, credit, financial, fiscal, monetary, customs and depreciation policies determining the exogenous factors for the business development.

A both universally and nationally recognized vector of evolution could be the idea to build a highly intellectual and economical developed society based on a strategy which should be based on the main vectors of a sustainable socio – economic development: the creation of a socially oriented market economy; the profound respect for human values; the creation, on different levels, of relatively opened structures; the formation of sound, knowledge based, economic forecasting systems; a real improvement of the state regulation methods; the creation of an explicit legislation system that excludes controversial regulations.

Conclusions

Without regional and global integration, the country has no other prospects, than transforming itself into a insulated closed system, exchanging agricultural and industrial commodities with low level value added, for unstable prices for

high-tech products and intellectual services of high added value, born in the depths of dynamic foreign companies innovators.

Qualitative changes (the ones giving the reason to conclude the process of transition to a new phase of internationalization) do not affect its material basis: the function, as in the past, is still performed by the international social division of labor, the increasing interdependence of national economies, creating the material conditions for their economic integration. Traditional instruments of internationalization of the world economy: foreign trade, the export of capital, the development of cooperation between enterprises of different countries on the basis of contractual agreements with its transition to the stage of globalization are complemented and they lean on more radical methods of international economic integration.

The dominant role of local factors in ensuring the community's compensation response to the

dynamics of global transformation is to promote the modernization of production and social infrastructure, implemented in the construction of transnational transport infrastructure, communications, energy, main pipelines, international science facilities, education, health, recreation, sport, all of them capable to bring the economy to a qualitatively higher level of social development.

The vector of integration is determined by the idea of building intellectual and economically highly developed society, the basis of our economic strategy which should comprise the main vectors of sustainable socio-economic development: the creation of a socially oriented market economy; adherence to human values; creation at various levels on the open economic structures; formation of systems of economic forecasting using knowledge about evolutionary laws; improvement of methods of state regulation of foreign economic activity.

REFERENCES:

1. Gerard C., Jonathan L. Fiechter, R.E. Litan, M. Pomerleano The future of state-owned financial institutions. Washington, D.C., Brookings institution press, 2008. Pp. 36-49.
2. Kurilionak K., Vassilevsky S., Medvedey V. The consequences of WTO accession for Belarus // Wiiw Research Reports /334/ The vienna institute for international economic studies. 2007. January. Pp. 1-25.
3. Stability, Skilled Labour and Infrastructure Top Locational Factors For Affiliates. UNCTAD Investment. Brief. November 3, 2007. Investment. Issues. Analysis Branch of UNCTAD. URL: www.unctad.org. Pp. 68-123.
4. UNCTAD. 2008., World Investment Report 2008 Transnational Corporations and the Infrastructure Challenge. Overview. N.Y., Geneva: UNCTAD. P. 254.
5. The World Bank, 2007. World Development Indicators. Washington 2007. Pp. 56-60.
6. IMF. 2012.1World Economic Outlook. IMF. URL: <http://www.inif.org>.
7. Stability, Skilled Labour and Infrastructure Top Locational Factors For Affiliates. UNCTAD Investment. Brief. November 3, 2007. Investment. Issues. Analysis Branch of UNCTAD. URL: www.unctad.org (date of access: September 24, 2014)
8. UNCTAD, World Investment Report 2008 Transnational Corporations and the Infrastructure Challenge. Overview. N.Y. Geneva: UNCTAD, 2008.
9. World Development Indicators. Washington 2007. The World Bank, 2007.
10. Concluziile raportului final al Comisiei Senatoriale pentru Privatizare. URL: www.euractiv.ro (date of access: July 5, 2010.)